

AH

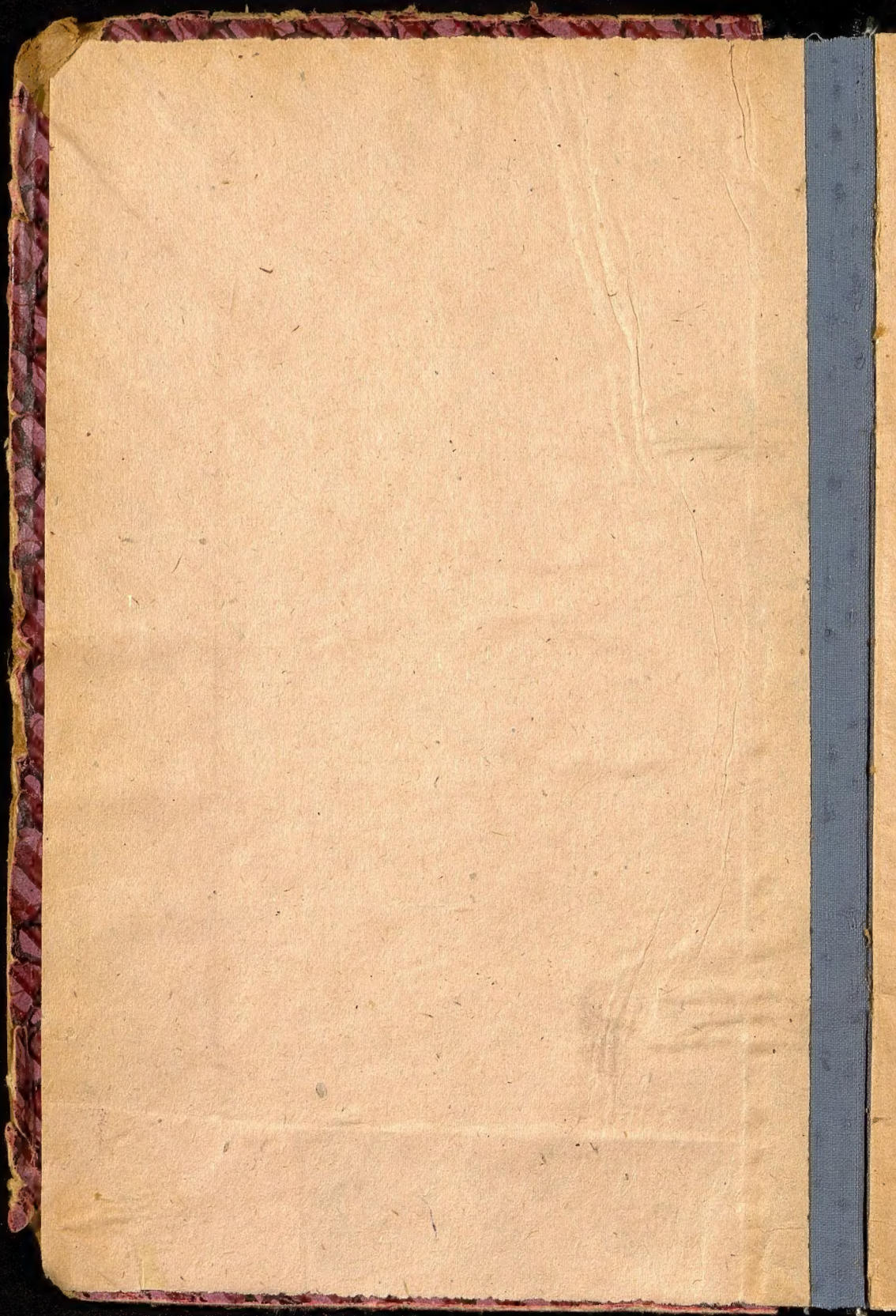
10

T. 67

✓ 1-9

A-38

AH DPAC

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXVII, № 7.

КЪ ИСТОРИИ
ЗВУКОВЪ РУССКАГО ЯЗЫКА.

А. Шахматовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1901.

ОБЩЕСТВО
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1901

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Февраль 1901 года.
Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

— 272 —

ИЗДАТЕЛЬСТВО
1901

Къ исторіи звуковъ русскаго языка.

Смягченныя согласныя.

Смягченными согласными въ настоящемъ изслѣдованіи я обозначаю такъ называемыя палатальныя (нёбныя) согласныя въ особомъ употребленіи этого термина (*monilliert, mouillé*), а именно, смягченныя согласныя—это согласныя, произносящіяся такъ же, какъ одноименныя несмягченныя согласныя, при томъ однако положеніи органовъ рѣчи, которымъ обусловливается образованіе нёбныхъ гласныхъ, или точнѣе гласныхъ передняго ряда: *i*, *e* закрытаго (*e*¹), *e* открытаго (*e*²) и т. д. При произношеніи какъ указанныхъ гласныхъ, такъ и смягченныхъ согласныхъ, боковыя доли передней трети спинки языка прижимаются къ средней части твердаго нёба: прохожденіе воздуха черезъ суженную такимъ образомъ полость рта опредѣляетъ характеръ гласныхъ и видоизмѣняетъ характеръ согласныхъ звуковъ. Бóльшее или меньшее суженіе названныхъ органовъ рѣчи при образованіи гласныхъ звуковъ имѣетъ слѣдствіемъ появленіе различныхъ звуковъ передняго ряда: такъ, при наибольшемъ суженіи является звукъ *i* закрытый (*i*¹), тогда какъ при наименьшемъ образуется *ä* открытое (*ä*²). Различная степень указанного суженія при образованіи согласныхъ звуковъ различнымъ образомъ видоизмѣняетъ смягченность согласныхъ: бóльшее суженіе вызываетъ бóльшую смягченность согласныхъ, наибóльшее

измѣненіе ихъ въ направленіи къ звуку i (r^i , t^i и т. д. являются знаками для обозначенія такихъ согласныхъ); меньшее суженіе вызываетъ въ согласныхъ полусмягченность, измѣняетъ ихъ въ направленіи къ звуку e (r^e , t^e). Съ описаннымъ отношеніемъ смягченныхъ согласныхъ къ гласнымъ передняго ряда совершенно сходно отношеніе нѣкоторыхъ согласныхъ къ гласнымъ задняго ряда: u , o закрытому (o^1), o открытому (o^2). Образование этихъ гласныхъ обуславливается: а) кольцеобразнымъ положеніемъ вытянувшихся впередъ губъ, б) приближеніемъ къ мягкому нёбу задней трети спинки языка; произношеніе согласныхъ при условіяхъ a или b , или же при одновременномъ дѣйствіи обоихъ условій ab , вызываетъ появленіе новыхъ рядовъ согласныхъ — лабиализованныхъ (положеніе a или ab) и просто приближающихся къ u , o (положеніе b): t^b и другія можно обозначить черезъ r^u , k^u (r , k наиболѣе измѣнившіеся въ направленіи къ гласнымъ задняго ряда) или черезъ r^o , k^o (r , k менѣе измѣнившіеся въ томъ же направленіи).

Какъ смягченныя такъ и лабиализованныя согласныя въ исторіи языка представляются въ большинствѣ случаевъ ненервоначальными сравнительно съ согласными простыми или чистыми: чаще всего появленіе ихъ вызывается вліяніемъ гласныхъ передняго или задняго ряда на произношеніе сосѣднихъ простыхъ согласныхъ, вліяніемъ, состоящимъ въ уподобленіи послѣднихъ первымъ. Исторія нѣкоторыхъ славянскихъ языковъ раскрываетъ намъ любопытный процессъ образованія въ нихъ смягченныхъ согласныхъ, процессъ, начала котораго относятся къ эпохѣ общеславянской. Настоящее изслѣдованіе разсматриваетъ вопросы о возникновеніи смягченныхъ согласныхъ, о вліяніи ихъ на измѣненіе сосѣднихъ гласныхъ, о замѣнѣ ихъ согласными несмягченными (отвердѣніи) и т. д. въ русскомъ языкѣ, въ его исторіи.

ГЛАВА I-ая.

Эпоха общеславянская.

Въ общеславянскомъ языкѣ смягченныя согласныя возникали какъ вслѣдствіе ассимиляціи согласныхъ задненёбныхъ, нёбнозубныхъ, губныхъ, а также г и л слѣдующему j, такъ и вслѣдствіе вліянія гласныхъ передняго ряда на предшествующія задненёбныя согласныя.

1. Относительно общеславянскаго j (средненёбная фрикативная согласная) надо замѣтить, что онъ восходитъ или къ индоевропейскому j, напр. въ словѣ juxa (ср. малор. юха), или къ индоевропейскому i неслоговому (i), напр. въ словѣ jetu (старослав. кѣмсу), или наконецъ j (восходящій можетъ быть къ i) въ началѣ слова является въ видѣ приставного звука передъ гласными передняго ряда: общеслав. jezego (старослав. кѣзѣго) изъ ezego. Такимъ образомъ въ общеславянскомъ j совпали первоначально различавшіеся звуки j и i; впрочемъ есть основаніе думать, что рядомъ съ j общеславянскій языкъ имѣлъ и звукъ i неслоговое, при чемъ отношеніе i и j не соответствовало въ немъ первоначальному отношенію, полученному изъ литовскославянской и индоевропейской эпохъ. А именно, тогда какъ въ одномъ звукѣ j совпали звуки i и j въ началѣ слова и въ серединѣ слова послѣ согласныхъ, тѣ же звуки i и j совпали въ одномъ звукѣ i въ серединѣ слова между гласными, или короче: i и j передъ гласными измѣнились въ j, послѣ гласныхъ въ i. Это различіе между j и i я вывожу между прочимъ изъ различной судьбы звука e въ русскомъ языкѣ въ положеніи за j, которому не предшествуетъ гласная, и за j (= i), которому предшествуетъ гласная (ср. съ одной стороны малор. jому, великор. воскресенjo, а съ другой малор. мое). Звуки j и i въ общеслав. языкѣ ассимилировали себѣ слѣдующія за ними гласныя задняго ряда, которыя или

окончательно измѣнялись въ гласныя передняго ряда или же приближались къ нимъ: такъ о переходило послѣ j въ ѓ или можетъ быть въ е, напр. jѓти или jѓти изъ jѓти (старослав. ѣмоу). При встрѣчѣ съ предшествующей согласной, j съ одной стороны ассимилировалъ ее себѣ, а съ другой самъ ассимилировался ей: ассимилируясь звуку j, согласная простая переходила въ смягченную, такъ какъ смягченныя согласныя произносятся при положеніи органовъ рѣчи, существенно опредѣляющемъ характеръ звука j (приближеніе боковыхъ долей передней трети спинки языка къ средней части твердаго нѣба); ассимилируясь такой смягченной согласной, j переходилъ въ сходную или близкую смягченную согласную; въ результатѣ группа простая согласная—j переходила въ группу, состоящую изъ двухъ смягченныхъ согласныхъ, откуда, по упрощеніи, или одна смягченная согласная, или, вслѣдствіе диссимиляціи, группа двухъ разныхъ смягченныхъ согласныхъ. Такъ rj, lj, nj переходили въ r'j, l'j, n'j и далѣе въ r'r', l'l', n'n', откуда r', l', n': gor'e изъ gorje, vol'a изъ volja, sten'o изъ stenjo. Сочетанія sj, zj переходили въ s'j, z'j; ассимилируясь звукамъ s' и z', j переходилъ въ смягченныя согласныя š' (ш) и ž' (ж), а группы s's' и z'ž' измѣнялись далѣе въ s' и ž': piš'etъ изъ pisjetъ, liž'o изъ lizjo. Группы tj и dj переходили въ t'j и d'j; j, ассимилируясь предшествующимъ t' и d', переходилъ въ-роятно въ звуки h и ħ (знаки изъ сербскаго алфавита); t'h и d'ħ переходили далѣе въ č'h и ġ'h и затѣмъ въ č't' и ġ'd': hoč't'o изъ hotjo, kraġ' d'a изъ kradja. Точно также измѣнялись сочетанія stj и zdj въ s'č't' и z'ġ'd', откуда далѣе š'č', ž'ġ': ruš'č'a изъ rustja, ġž'ġ'o изъ ġzdjo. Въмѣсто kj, gj, γj (діал.), xj являлись k'j, g'j, γ'j, x'j, откуда k'h, g'h, γ'h, x's', переходившія затѣмъ въ č', ġ', ž', š', при чемъ ġ' вытѣснено діалектическимъ ž': plač'o изъ plakjo, ġož'e изъ logje, duša изъ duħja. Сочетанія губныхъ согласныхъ съ j, а именно pj, bj, vj, mј въ началѣ слова (по указанію Ф. О. Фортунатова) переходили въ p'j, b'j, v'j, m'j, при чемъ j, стремясь уподобиться губнымъ, измѣнялся въ l смягченное (l'): p'l'ujо изъ pjujo, b'l'udo изъ bjudo; въ не началѣ слова соче-

танія эти только въ нѣкоторыхъ говорахъ измѣнялись также въ сочетанія смягченной губной + j; въ другихъ говорахъ они черезъ посредство p', b', v', m', переходили въ p', b', v', m'; въ третьихъ на мѣсто j являлось ĭ, и указанные сочетанія переходили въ pĭ, bĭ, vĭ, mĭ: zem'ĭ'a, zem'a и zemja изъ zemja. Смягченныя согласныя указанного происхожденія вліяли на предшествующія имъ нѣбнозубныя согласныя такъ же, какъ j: такъ tr', sl', sn' измѣнялись въ č't'r', š'l', š'n': pomysl'ati изъ pomysljati; также точно t передъ v'l' переходило въ č't': umyč't'v'lati изъ umyrtv'lati, которое вм. umyrtvjati.

2. Объ измѣненіи гортанныхъ передъ гласными передняго ряда. Общеславянскій языкъ получилъ изъ индоевроп. языка вѣроятно тѣ самые два ряда задненѣбныхъ звуковъ, которые различно отразились въ греческомъ, латинскомъ, германскихъ и др. языкахъ. А именно, кромѣ ряда простыхъ задненѣбныхъ, или чистыхъ, общеслав. получилъ повидимому и рядъ лабиализованныхъ или измѣнившихся въ направленіи къ гласнымъ задняго ряда задненѣбныхъ звуковъ: k, g, γ, x и kⁿ, gⁿ, γⁿ, xⁿ. Въ известную эпоху жизни общеслав. языка рядъ чистыхъ задненѣбныхъ согласныхъ сталъ вытѣсняться рядомъ задненѣбныхъ лабиализованныхъ (въ широкомъ употребленіи этого термина): слова koγva (корова) и oko, различавшіяся нѣкогда по отношенію къ k тѣмъ, что въ первомъ словѣ оно было чистое, а во второмъ лабиализованное, стали одинаково произноситься какъ kⁿoγva, okⁿo. Но лабиализація чистыхъ задненѣбныхъ не могла имѣть въ общеслав. языкѣ мѣста въ положеніи передъ гласными передняго ряда (e, i и др.): стремленію задненѣбныхъ измѣниться въ направленіе гласныхъ задняго ряда естественно препятствовало положеніе ихъ передъ гласными передняго ряда. Вліяніе этихъ послѣднихъ не ограничилось однако устраненіемъ возможности лабиализаціи чистыхъ задненѣбныхъ: въ языкѣ было стремленіе избѣчь, избавиться отъ чистыхъ задненѣбныхъ согласныхъ; тамъ гдѣ условія не благопріятствовали переходу ихъ въ рядъ лабиализованныхъ, они тѣмъ не менѣе не могли удержаться и измѣ-

нялись въ направленіи къ слѣдующимъ за ними гласнымъ передняго ряда. Въ описываемую эпоху общеслав. языкъ имѣлъ слѣдующія гласныя передняго ряда: е, е носовое (е), е долгое (ѣ), ѣ (т. е. очень краткое і) и і. Уподобляясь этимъ гласнымъ k, g, γ, x задненѣбныя (гортанныя) должны были перейти въ согласныя k, g, γ, x средненѣбныя, т. е. въ тѣ согласныя, которыя извѣстны напр. въ совр. нѣмецкомъ языкѣ въ положеніи передъ гласными передняго ряда. Но въ общеслав. языкѣ не было извѣстенъ и не возникъ рядъ средненѣбныхъ согласныхъ чистыхъ: подобно тому какъ задненѣбныя являлись въ этомъ языкѣ только лабиализованными, средненѣбныя необходимо измѣнялись въ средне же нѣбныя смягченныя согласныя, т. е. средненѣбныя k, g, γ, x (правильнѣе было бы, по примѣру большинства фонетиковъ, отличить ихъ особыми знаками отъ задненѣбныхъ) переходили въ k', g', γ', x' средненѣбныя. Сочетанія k'ē, g'i, x'e и т. д. не удержались однако въ такомъ видѣ въ общеслав. языкѣ: k', g', x', γ', все болѣе приближаясь къ слѣдующимъ за ними гласнымъ передняго ряда, развивали изъ себя j или j (откуда далѣе во всякомъ случаѣ j), подобно тому какъ задненѣбныя лабиализованныя, все болѣе приближаясь къ слѣдующимъ за ними гласнымъ задняго ряда, развиваютъ изъ себя въ нѣкоторыхъ языкахъ ц или v (ср. нижнелуж. gцога изъ g^oога, лат. quo- изъ k^oо- и т. д.). Такой j, ассимилируясь предшествующимъ средненѣбнымъ смягченнымъ согласнымъ, переходилъ въ h, h, š', ž'; полученные такимъ путемъ общеслав. сочетанія k'h, g'h, x's', γ'ž', которыя можно сравнить съ ks' и gz' въ пол. księga изъ kjęga и діал. og'z'en изъ og'en (Бод. де Курт. О др. пол. яз. 55), перешли далѣе въ c'h, s'h, s's', z'ž', откуда затѣмъ č', ě', š', ž', при чемъ ě' было вытѣснено звукомъ ž' еще въ общеслав. языкѣ, хотя діалектически оно и сохранялось, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ (ср. малор. джерело при жерело): такъ явились въ общеслав. языкѣ četyrě, česъ, šiti, šesъ, žiznъ, bože и т. д. Лабиализація задненѣбныхъ согласныхъ имѣла мѣсто въ общеслав. языкѣ и передъ тѣми согласными, за которыми слѣдовали гласныя передняго

ряда, что объясняется тѣмъ, что эти гласныя не вліяли на произношеніе предшествующихъ имъ согласныхъ: *ki* не могло перейти въ *k'i*, но *kri*, *kli*, *kpi* измѣнялись въ *k'ri*, *k'li*, *k'ni*. Если лабиализація не имѣла мѣста въ группахъ *kti*, *xti* (откуда *kti*), то это объясняется тѣмъ, что *k* уподоблялось слѣдующему за нимъ *t* (ср. *pletq* изъ *plektq*) и переходило при этомъ прежде всего въ *k* средненѣбное, какъ будто за нимъ слѣдовалъ тотъ самый звукъ, что за *t*: средненѣбное *k*, согласно предыдущему, должно было смягчиться, такъ какъ въ языкѣ не были извѣстны средненѣбныя согласныя чистыя, несмягченныя; *kt* измѣнялось далѣе въ *ċt*, откуда затѣмъ *ċh* и *ċ't*: *peċ'ti* изъ *pekti*, *moċ'ti* изъ *mokti*, *vyċ'ti* изъ *vyxti*.

Сочетанія *kv*, *gv* въ общеслав. языкѣ восходятъ или къ индоевроп. сочетаніямъ *kv*, *gv* съ *k* и *g* задненѣбными (имъ соотвѣтствовали бы древнеиндійскія сочетанія *kv*, *gv* и такія же сочетанія въ литовскомъ языкѣ), или же къ сочетаніямъ *kv*, *gv* съ *k* и *g* средненѣбными (въ древнеинд. *ṣv*, *jv*, въ литов. *szv*, *žv*), при чемъ переходъ *k* и *g* средненѣбныхъ въ *k* и *g* задненѣбныя (и при томъ вѣроятно лабиализованныя) объясняется вѣроятно уподобленіемъ *k* и *g* слѣдующему *v* (ц), ср. въ греч. ἔπος изъ *ekvos* (др. инд. *aṣva*). Допустивъ, что въ подобныхъ сочетаніяхъ за задненѣбными согласными слѣдовало именно ц неслоговое (ц), а не *v*, мы можемъ предположить, что такое ц передъ гласными передняго ряда, ассимилируясь имъ, переходило въ ѣ неслоговое (ѣ); вслѣдствіе этого предшествующія задненѣбныя согласныя также измѣнялись въ направленіи къ переднему ряду и переходили въ средненѣбныя согласныя, необходимо, согласно предыдущему, смягчавшіяся. Такъ измѣнялись *kċe*, *kpi*, *gċe* и т. д. въ *k'ċe*, *k'pi*, *g'ċe* и т. д.; въ положеніи передъ неслоговымъ звукомъ *k'*, *g'* не могли развить изъ себя *j* (*j*), которое, какъ мы видѣли, развивалось изъ нихъ передъ гласными слоговыми (въ случаяхъ какъ *k'i*, *g'e*, откуда черезъ посредство *kji*, *gji*—*k'hi*, *g'hi*), но *k'* и *g'* тѣмъ не менѣе переходили, можетъ быть подъ вліяніемъ еле замѣтнаго паразитнаго *j*, въ слитныя смягченныя соглас-

ныя *ś* и *ź*, при которыхъ могли существовать діалектическія *ś* и *ź*. Для группъ *śv* (*śŭ*) или *źv* (*źŭ*) такого происхожденія я не знаю достовѣрныхъ примѣровъ, но можетъ быть сюда относится пол. *świerk* (хвойное дерево), если сопоставить это слово съ лат. *quercus*. Для измѣненія *gŭe*, *gŭe* въ *śŭe*, *źŭe* укажу на общеслав. *zŭĕgъ* при *śŭĕgъ* изъ *gŭĕgъ*, при чемъ *gŭ* изъ *gv* съ средненѣбнымъ *g*, какъ ясно указываетъ литов. *žvėgys*: стар. *zъĕgъ* и *zъĕgъ*, рус. звѣрь, малор. дзвѣр, дзвер; сюда же относится общеслав. *zŭĕk-*: рус. звякнуть, пол. *dzwierk* съ общеслав. *ź*; въ словѣ *zvokъ* видимъ замѣну звука *g* звукомъ *z* подъ вліяніемъ *zvęknŭti*, *zvękъ*, а первоначальное *gŭokъ* находимъ въ малор. гукъ (*Knall, Schall, Желех.*), чешск. *huk* (*das Getöse, der Hall*); далѣе можно привести еще общеслав. *zŭĕg*: старослав. *zъĕgъ*, рус. звячь (псков.), звягать; діалект. *zŭĕg* въ малор. дзвѣнгаты; ср. *gŭog* въ польскомъ *geg* — гоготанье, *gegać* — гнусить, серб. гугутати; сюда же общеслав. *zŭĕno*: верхнелуж. *zwjeno* (*Radfelge*), рус. звено; діалект. *zŭĕno*, ср. польск. *dzwono* при *zwno*, гдѣ гласная *o* восходитъ, конечно, къ общеславянскому *o*, а *dz* и *z* заимствованы изъ такой формы какъ звѣно. Ограничиваюсь приведенными здѣсь примѣрами, хотя число случаевъ *zv*, *zv* такого происхожденія можно было бы значительно увеличить.

Въ позднѣйшую эпоху жизни общеслав. языка къ прежде въ немъ существовавшимъ гласнымъ передняго ряда прибавилась еще одна гласная: это дифтонгическое сочетаніе *ie* (*ĕ*) изъ *ö* долгаго, которое замѣнило древній дифтонгъ *oi*. Въ описанную выше эпоху задненѣбныя согласныя были лабиализованными передъ этимъ *oi*: но когда *oi* перешло въ *ö*, откуда *ĕ*, сочетанія *k"ö*, *g"ö*, *x"ö*, *γ"ö* измѣняли свои задненѣбныя согласныя въ средненѣбныя, необходимо, согласно предыдущему, вслѣдъ за этимъ смягчившіяся, почему вмѣсто указанныхъ сочетаній явились *k'ö*, *g'ö*, *x'ö*, *γ'ö*. Въ эту позднѣйшую эпоху *k'*, *g'*, *x'*, *γ'* уже не развивали изъ себя *j*, что имѣло мѣсто, какъ мы видѣли передъ гласными въ эпоху болѣе древнюю (ср. измѣненіе *ke* въ *kje*, от-

куда k'he и далѣ с'е): Все же паразитный весьма короткій j развивался и послѣ нихъ, чѣмъ объясняется измѣненіе этихъ смягченныхъ средненѣбныхъ согласныхъ въ смягченныя слитныя согласныя *с', з'* и въ нѣбнозубныя *с', з'*. Такимъ образомъ *k'ö* (*k'ë*), *g'ö* (*g'ë*) измѣнились въ *с'ö* (*с'ë*), *з'ö* (*з'ë*), между тѣмъ какъ въ болѣе древнюю эпоху *k'i*, *g'i* переходили въ *с'i*, *г'i* (*з'i*). Такъ явились *гос'ë*, *нос'ë*, діал. *ноз'ë*, *с'ëпа*, *з'ëло* (*з'ëло*), *выс'ëхъ*; *выс'и*, *дус'и* (*и* также изъ *ë*, восходящаго къ первоначальному *ie*).

Въ группахъ *кюі*, *гюі*, *хюі*, послѣ измѣненія *оі* въ *ö* и послѣдующей затѣмъ ассимиляціи и неслогового слѣдующей за нимъ гласной передняго ряда (*ö*), звуки *k*, *g*, *x* (лабиализованные) переходили въ средненѣбныя *k*, *g*, *x*, тотчасъ же смягчившіяся въ силу предыдущаго. Такъ измѣнились *кюі*, *гюі*, *хюі* въ *k'ö*, *g'ö*, *x'ö*, при чемъ *k'*, *g'*, *x'* переходили въ *с'*, *з'* (*з'*), *с'*: ср. общеслав. діал. *с'üftъ*, *з'üfzda* при *з'üfzda*, *выс'üи*. Указанное измѣненіе *кюі*, *гюі* и т. д. имѣло мѣсто только въ нѣкоторыхъ говорахъ общеслав. языка, а именно въ тѣхъ говорахъ, гдѣ *ц* сохранялось безъ измѣненія; между тѣмъ въ говорахъ, гдѣ *ц* перешло въ *v*, *kⁿ*, *gⁿ*, *xⁿ* не измѣнились и послѣ перехода *оі* въ *ö*: діал. общеслав. *kvftъ*, *gvfzda* ср. пол. *kwiat*, *gwiazda*, чеш. *květ*, *hvězda* и т. д.

Вѣроятно около того же времени, когда имѣлъ мѣсто переходъ *оі* въ *ö*, задненѣбныя лабиализованныя согласныя испытали вліяніе гласныхъ передняго ряда имъ предшествующихъ. Мнѣ представляется вѣроятнымъ, что гласныя передняго ряда уподобляли себѣ слѣдующія за ними задненѣбныя согласныя въ томъ случаѣ, когда лабиализація ихъ не была защищена положеніемъ передъ гласными задняго ряда: въ *liko*, *likъ*, *въхo*, *овъкоіo*, *рольgo* задненѣбныя лабиализованныя *k*, *g*, *x* не испытывали на себѣ ассимилирующаго вліянія гласныхъ *i*, *ь*; между тѣмъ въ *lika*, *въха*, *овъка*, *рольga* задненѣбныя согласныя ассимилировались предшествующимъ гласнымъ передняго ряда, такъ какъ лабиализація ихъ не была защищена вліяніемъ слѣдующей за нимъ гласной (*a*), какъ не принадлежащей къ ряду тѣхъ гласныхъ,

которыя вызываютъ лабиализацію сосѣднихъ согласныхъ. Ассимилируясь гласнымъ передняго ряда, звуки *k, g, x* задненѣбные переходили въ *k, g, x* средненѣбныя, подвергавшіяся затѣмъ, согласно предыдущему, смягченію. Это общеслав. явленіе можно сопоставить съ русскимъ діалектическимъ явленіемъ, по которому задненѣбныя согласныя послѣ смягченныхъ согласныхъ и послѣ *j* (въ дифтонгахъ *oj, aj, uj, ej*) измѣняются въ согласныя средненѣбныя смягченныя: *boč'k'a, bojk'o, ol'č'a, ran'oxon'k'o*. Ср. въ совр. нѣм. яз. (*Bühnendeutsch, Schriftdeutsch*) произношеніе задненѣбныхъ послѣ гласныхъ задняго ряда и передненѣбныхъ послѣ гласныхъ передняго ряда: *tach, tače* съ *x, γ* задненѣб. при *ziče, zix* съ *γ, x* средненѣб. Такъ явились общеслав. *lik'a, vьx'a, ovьk'a, polьg'a*, при чемъ *k', g', x'* переходили затѣмъ не въ *č', ġ', š'*, а въ *с', s', ś'*, что и служитъ указаніемъ на сравнительно позднее происхожденіе этого явленія. Сохраненіе *liko, liku, polьgo, vьxo, ovьkojo*, при фонетически измѣнившихся *lic'a, polьs'a, vьs'a, ovьs'a*, вызывало въ отдѣльныхъ словахъ нефонетическое чередованіе *с', s', ś'* съ *k, g, x*, при чемъ съ одной стороны могли являться при *lic'a—lic'e, lic'u*, при *ovьs'a—ovьс'о, ovьс'ejo*, при *vьs'a—vьс'о, vьс'ь*; съ другой стороны при *polьgo, polьgojo* являлось *polьga*, при *stьgo, stьgojo—stьga* вм. *stьs'a*. Такъ объясняется чередованіе въ большинствѣ славянскихъ языковъ формъ какъ *лѣга, нелѣга, стѣга, ликъ, суф. -ика, двизати* и т. п. съ произношеніемъ *лѣзя, нелѣзя, стезя, лице, суф. -ица, двизати, вьс'ати* (великор. *спать, малор. спяты*), *pic'ati* (ср. словац. *picet'*) и т. д. Слѣдуетъ еще замѣтить, что повидимому всякая общеслав. гласная передняго ряда вліяла указаннымъ способомъ на слѣдующія задненѣбныя согласныя: такъ *ь* послѣ смягченныхъ согласныхъ, въ противоположность *ь* послѣ согласныхъ несмягченныхъ, допускалъ послѣ себя задненѣбныя согласныя, ср. рус. *царѣкъ, пирожокъ, князѣкъ* при *купецъ, конецъ, серб. столац*; это объясняется можетъ быть тѣмъ, что *ь* послѣ *j* и смягченныхъ согласныхъ измѣнялся въ характеръ звука, приближаясь къ *ъ* такъ же, какъ *е* послѣ ука-

занныхъ согласныхъ измѣнялось въ направленіи къ о, переходя можетъ быть въ ѳ (см. ниже). Не измѣняли задненѣбныхъ согласныхъ въ средненѣбныя повидимому также звуки е и ѣ, что можетъ быть объясняется значительною открытостію этихъ звуковъ, болѣею близостію ихъ къ звукамъ а, чѣмъ къ звукамъ і: ср. снѣгъ, лѣкаръ, пекаръ, слега и т. д.

Такимъ путемъ общеслав. языкъ ко времени своего распада получилъ цѣлый рядъ смягченныхъ согласныхъ. Кромѣ г', л', н', всѣ остальные относятся къ такъ называемымъ шипящимъ и свистящимъ; таковы: *ś* (изъ х), *ž*; *š*, *ž*; *č* и *g*; *ć* и *s*'. Смягченныя губныя были извѣстны только въ группахъ *p'l*, *b'l*, *m'l*, *v'l*; смягченныя нѣбнозубныя *t'* и *d'* являлись въ группахъ *č't* и *g'd*'.

Разсматривая общеслав. явленія, сопровождавшія возникновеніе смягченныхъ согласныхъ, видимъ, что съ одной стороны они стояли въ зависимости: 1) отъ стремленія говорящихъ ассимилировать задненѣбныя согласныя слѣдующимъ за ними гласнымъ передняго ряда: такъ явились въ болѣе раннюю эпоху *č*, *ž*, *š*, а также группа *č't* изъ *kt* передъ гласными передняго ряда и *ć*, *s'ć*, *ž*, *s'ž* изъ *kč*, *gč* и т. д. передъ такими же гласными; а въ болѣе позднюю эпоху такъ явились *ć*, *s'*, *ž*, *s'* и диалектически *ć*, *s'ć*, *ž*, *s'ž* передъ гласными передняго ряда новаго происхожденія; 2) отъ такого же стремленія ассимилировать задненѣбныя согласныя нѣкоторымъ гласнымъ передняго ряда имъ предшествующимъ: такъ явились въ болѣе позднюю эпоху *ć*, *s'*, *ž*, *s'* въ случаяхъ какъ *ovś'a*, *polś'a*, *vś'a*. Съ другой стороны мы встрѣчаемся съ стремленіемъ къ уподобленію согласныхъ всякаго наименованія слѣдующей за ними согласной *j*: такъ явились *g'*, *l'*, *n'*, *č'*, *ž'*, *š'*, *g'*, а также группы согласныхъ *č't*, *g'd*, *š'č*, *ž'g*, *p'l*, *b'l*, *v'l*, *m'l*, въ результатѣ взаимнаго уподобленія обоихъ согласныхъ элементовъ въ сочетаніяхъ *gj*, *tj*, *pj* и т. д.

Никакихъ указаній на измѣненіе согласныхъ губныхъ и нѣбнозубныхъ въ направленіе къ гласнымъ передняго ряда (е, і)

въ зависимости отъ гласныхъ передняго ряда мы въ общеслав. языкѣ не находимъ.

О взаимномъ вліяніи гласныхъ передняго ряда и смягченныхъ согласныхъ.

Наблюденія надъ живыми языками показываютъ, что сочетанія «смягченная согласная + гласная передняго ряда (нёбная)» могутъ быть разнаго рода: подъемъ верхней спинки языка, требующійся для произношенія гласной, можетъ быть тотъ же, что при произношеніи предшествующей ему согласной, или же степень подъема, при которомъ произносится согласная больше, чѣмъ при произношеніи слѣдующей гласной (ср. Sievers, *Phonetik*⁴ с. 168). Выше было указано, что какъ смягченные согласные, такъ и гласные передняго ряда требуютъ при произношеніи своемъ болѣе или менѣе тѣснаго, болѣе или менѣе объемистаго прижима боковыхъ долей передней трети спинки языка къ средней части твердаго нёба: при встрѣчѣ смягченной согласной съ гласной передняго ряда, всякій разъ возникаетъ вопросъ, соответствуетъ ли вполне положеніе органовъ, существенное для произнесенія смягченной согласной, тому положенію органовъ, которое необходимо для произнесенія слѣдующей гласной передняго ряда. При полномъ соответствіи мы имѣемъ дѣло съ сочетаніемъ уподобившихся себѣ элементовъ (согласной и гласной), при соответствіи неполномъ видимъ сочетаніе близкихъ между собою, но не однородныхъ звуковъ. Сочетанія перваго ряда не такъ то легко подвергаются въ исторіи языка измѣненіямъ: взаимное вліяніе обоихъ элементовъ поддерживаетъ и сохраняетъ полученныя отношенія; такими сочетаніями въ общеслав. языкѣ были сочетанія смягченныхъ согласныхъ съ *i*: предшествующія звуку *i* смягченные согласные были въ общеслав. языкѣ настолько же палатальны, какъ самый звукъ *i*. Сочетанія втораго ряда, по самому характеру своему, представляютъ основаніе для даль-

нѣйшихъ измѣненій: близкіе по физиологическому своему характеру элементы, но не однородные, при встрѣчѣ стремятся или стать однородными, или же, диссимилируясь, образовать новыя сочетанія отдаленныхъ другъ отъ друга, существенно различныхъ элементовъ; такими сочетаніями въ общеслав. языкѣ были сочетанія *j* и смягченныхъ согласныхъ съ *e*, *ě*, *ь*, *e* и др.: въ нихъ предшествующій элементъ — согласная была палатальнѣе слѣдующаго — гласной; въ дальнѣйшей исторіи полученныя сочетанія не могли сохраниться безъ измѣненія. Уже въ общеслав. языкѣ сочетанія эти представляютъ въ своемъ измѣненіи любопытный процессъ диссимиляціи составныхъ своихъ элементовъ: а именно гласныя должны были утрачивать вполне или отчасти свой нѣбный характеръ, существенно несходный съ нѣбнымъ характеромъ предшествующихъ согласныхъ; для этого названныя согласныя передняго ряда измѣнились въ гласныя задняго ряда. Одни изъ этихъ гласныхъ, а именно долгое *e* и носовое *e* измѣнялись такъ, что становились все болѣе и болѣе открытыми, переходили въ *ä* и *a*: такъ измѣнялись сочетанія *jě*, *č'ě* и др. въ *jä*, *č'ä* съ долгимъ *ä*, откуда *ja*, *č'a* и т. д. съ долгимъ *a*: ср. общеслав. *č'asъ*, *ž'alъ*, *ž'agъ*, *stojati* и т. п. изъ *č'ēsъ*, *ž'ělъ*, *ž'egъ*, *stojēti*; сочетанія *jě*, *č'ě*, *ž'ě* и т. д. измѣнялись въ *jä*, *č'ä*, *ž'ä* съ *ä* носовымъ: *jětra*, *językъ*, *ž'ętva* переходили въ *jättra*, *jäzykъ*, *žätva* съ *ä* носовымъ, ср. отсюда *ja*, *ža*, *ča* въ нѣкоторыхъ чакавскихъ говорахъ (гдѣ *e* носовому соответствуетъ правильно *e*): *jazik*, *žatva*, *jatra*, *počati*, *prijati*, *zajati* при *pet*, *sveti*, *teško* и т. д. Другія гласныя, а именно краткія *e*, *ь*, измѣнялись, въ зависимости отъ извѣстныхъ условій, диссимилируясь съ предшествующими смягченными согласными, двоякимъ образомъ: или ихъ замѣняли гласныя задняго ряда нелабиализованныя, или же потеря этими гласными своего нѣбнаго характера вознаграждалась лабиализаціею ихъ: въ первомъ случаѣ они измѣнялись въ направленіи къ гласной *a*, во второмъ случаѣ въ направленіи къ гласной *u*; въ первомъ случаѣ *vm.* е являлось *ä* открытое, *vm.* ь — ь очень открытое, во второмъ случаѣ *vm.* е являлось *ö* от-

крытое, *вм. ъ*—ъ или точнѣе ѱ открытое. Опредѣляя ближе условія, при которыхъ *вм. е, ъ* являлись нелабиализованныя гласныя задняго ряда, видимъ, что лабиализація ихъ не могла имѣть мѣста тамъ, гдѣ въ слѣдующемъ за этими гласными слогѣ являлись гласныя передняго ряда (нёбныя) *е, і, ъ, ѣ* (дифт. *іе*), *е*: передъ слогами съ названными гласными звуки *е* и *ъ* въ сочетаніяхъ *је, ѣе, ѣъ* и т. д. переходили въ *ѣ* и *ъ* открытыя; измѣненію ихъ въ *ѳ* и *ѱ*, т. е. лабиализаціи ихъ, препятствовало ассимилирующее вліяніе гласныхъ слѣдующаго слога.—Любопытно сравнить такое вліяніе гласныхъ передняго ряда на гласныя предшествующаго слога того же ряда съ вліяніемъ ихъ на сохраненіе звука *е* передъ *ѳ*, переходившаго иначе, т. е. въ положеніи передъ слогомъ съ гласною не передняго ряда, въ *о*. А именно въ древнѣйшую эпоху жизни общеслав. языка имѣлъ, по замѣчанію Фортунатова, мѣсто переходъ *е* въ *о* передъ *ѳ* въ случаяхъ какъ *повѣ, plovъ, slovo*, между тѣмъ какъ, по его же замѣчанію, *е* сохранялось безъ измѣненія въ случаяхъ какъ *devęty, rěvęti, nevęsta*, т. е. тамъ, гдѣ за *ѳ* слѣдовали звуки *е, ѣ* и вообще гласныя передняго ряда.—И такъ *е* и *ѣ* послѣ *ј* и смягченныхъ согласныхъ измѣнялись въ *ѣ* и *ъ* открытыя, когда въ слѣдующемъ слогѣ являлись гласныя *е, і, ѣ, ъ, ѣ*, напротивъ въ *ѳ* и *ѱ*, когда въ слѣдующемъ слогѣ являлись гласныя задняго (*а, о* и т. д.) или средняго (*ы* и др.) ряда. Такимъ образомъ съ одной стороны *вм. jezero, ž'enixъ, š'elestъ, ž'elъzo* и т. д. явились *jäzero, ž'anixъ, š'älestъ, ž'alъzo*, ср. пол. *jezioro* (не *jozioro*), рус. *шелестъ, желѣзо, женихъ* при діалект. сѣверновеликор. *жалѣзо, жанихъ* (*о* русскомъ *о* въ *озеро, осень* и т. д. см. въ приложеніи), съ другой *вм. četyre, ž'elъbъ, ž'ena, рьš'eno, jemu* явились *č'otyre, ž'ölъbъ, ž'öna, рьš'öno, jömu* и т. д. (ср. рус. діал. *чотыре, жолобъ, жона, пшоно, ёму*). Въ концѣ слова *е* послѣ смягченныхъ согласныхъ также перешло въ *ѳ*: *роl'ѳ, моr'ѳ, лис'ѳ, играш'ѳ* (ср. рус. діал. *полѣ, морѣ, лицо, др. рус. играшо*). Такимъ образомъ *čъstъ, čъgvъ* и т. п. переходили въ *čъstъ, čъgvъ* съ очень открытымъ *ъ* (ср. рус. *е* въ *честь, червь*), между

тѣмъ какъ *ž'lytyj*, *č'yrnyj* и т. п. измѣнялись въ *ž'ultyj*, *č'urnyj* (ср. о въ рус. черный, желтый).

Такимъ образомъ въ общеслав. языкѣ измѣненіе гласной въ сочетаніяхъ смягченная согласная + нѣбная гласная стояло въ зависимости отъ стремленія къ диссимиляціи такой гласной отъ предшествующаго ей нѣбнаго звука; ассимиляціи нѣбной гласной слѣдующей нѣбной согласной, играющей столь видную роль въ дальнѣйшей исторіи нѣкоторыхъ слав. нарѣчій, мы еще не замѣчаемъ. Но начало новаго процесса лежитъ въ томъ явленіи, по которому передненѣбная гласная препятствуетъ лабиализаціи гласной предшествующаго слога.

Приложеніе 1-ое. Выше на стр. 699 было высказано предположеніе, по которому въ извѣстную эпоху жизни общеслав. языка вм. двухъ рядовъ задненѣбныхъ согласныхъ лабиализованныхъ и чистыхъ явился одинъ рядъ — лабиализованныхъ, вслѣдствіе лабиализаціи чистыхъ *k*, *g*, *γ*, *x*. Независимо отъ того, что только такое предположеніе можетъ объяснить появленіе *č'*, *g'*, *ž'*, *š'* вм. названныхъ согласныхъ въ положеніи передъ гласными передняго ряда, мы находимъ въ исторіи русскаго языка еще другое явленіе, подтверждающее высказанное предположеніе о лабиализованномъ характерѣ задненѣбныхъ согласныхъ; а именно, какъ это будетъ показано ниже, переходъ *кы*, *гы*, *хы* въ *ки*, *ги*, *хи* можно объяснить, только допустивъ предварительное измѣненіе лабиализованныхъ *k*, *g*, *x* въ чистыя передъ гласной средняго (не задняго) ряда *ы* и послѣдующее за тѣмъ измѣненіе *k*, *g*, *x* чистыхъ, какъ неизвѣстныхъ въ языкѣ, въ *k*, *g*, *x* средненѣбныя и при томъ смягченныя. Но кромѣ русскаго языка съ особенною наглядностію выступаетъ лабиализованный характеръ задненѣбныхъ согласныхъ въ кашубскомъ и лужицкихъ языкахъ.

Мнѣ придется указать въ одной изъ послѣдующихъ главъ, что какъ въ русскомъ, такъ и въ нѣкоторыхъ западнослав. языкахъ, имѣло мѣсто по отношенію къ губнымъ согласнымъ явленіе вполне аналогичное съ указаннымъ общеславянскимъ явле-

ніемъ лабиализаціи задненёбныхъ согласныхъ. А именно, весьма вѣроятно еще въ общеслав. языкѣ, существовало два ряда губныхъ согласныхъ—лабиализованныхъ передъ лабиализованными гласными задняго ряда и нелабиализованныхъ при всякомъ другомъ положеніи: *m^u, p^o, v^o, b^ъ* при *me, re, bi, ve* и т. д. Когда въ русскомъ и нѣкоторыхъ западнослав. нарѣчіяхъ къ этимъ двумъ рядамъ губныхъ прибавился еще новый рядъ губныхъ—смягченныхъ, первые два ряда несмягченныхъ губныхъ—лабиализованный и нелабиализованный замѣнились однимъ рядомъ—лабиализованнымъ; т. е. параллельно съ переходомъ *re, mi, ve, vѣ* и т. д. въ *ре, мѣ, вѣ, вѣ* и т. д. явилось измѣненіе *pa, ma, mpa, mpo* и т. д. въ *p^a, m^a, m^{na}, m^{no}* и т. д. Въ результатѣ въ этихъ языкахъ явились два ряда губныхъ—смягченный и лабиализованный, подобно какъ въ общеслав. языкѣ было два ряда *k, g, x, γ*—лабиализованный задненёбный и смягченный среднеёбный. Кашубскій языкъ ясно указываетъ на то, что несмягченныя губныя, а также задненёбныя согласныя въ немъ лабиализованы: звукъ, соответствующій *ǫ*, звучитъ въ этомъ языкѣ какъ *ce* послѣ всѣхъ губныхъ и задненёбныхъ: *wǫeda, jagǫeda, gdeǫb, dobregce* и т. д., что объясняется измѣненіемъ *g^o, p^o, v^o* въ *gdo, pdo, vdo*. Въ верхнелуж. и нижнелуж. находимъ рядъ явленій, указывающихъ на лабиализованный характеръ губныхъ и задненёбныхъ. Передъ губными, *vm, ǫ* другихъ славянскихъ языковъ, въ обоихъ этихъ языкахъ является о закрытое долгое (*ǫ¹*): верхне и нижнелуж. *pǫ¹wu, rǫ¹mos*; не подъ удареніемъ—видимъ о закрытое краткое (*ǫ¹*): нижнелуж. *xudo¹ba*, верхнелуж. *khudo¹ba*. Въ верхнелуж. такое *ǫ¹* находимъ передъ *k* и *x*, а передъ *h* (изъ *γ*) только тогда, когда за ними слѣдуютъ гласныя *o* и *u*: *bǫk, mǫx, Bǫhu*. Въ нижнелуж. передъ *k, g, x* является о открытое (*ǫ²*), но передъ *g* изъ *γ* сохранилось *ǫ¹*: *Bo¹gu, Bo¹gi* (ср. Муске). Эти явленія, мнѣ кажется, слѣдуетъ понимать такъ, что появленіе *ǫ¹* *vm. ǫ²* въ общелуж. языкѣ зависѣло отъ вліянія слѣдующей лабиализованной согласной—губной и задненёбной, ср. въ рус. языкѣ появленіе *e¹* *vm. e²* передъ

смягченной согласной въ случаяхъ какъ *d'e'n*, *še'st'*, *s'e'm* и т. д. Подобно тому какъ вслѣдъ за потерей согласною своей смягченности, вслѣдъ за утратою этою согласною нѣбнаго своего характера, измѣнялся въ русскомъ языкѣ и характеръ предшествующей гласной, при чемъ *e*¹ переходило въ *e*² (ср. діалектическое *s'e'm* вм. *s'e'm'*, *kir'e's* вм. и при діалект. *kir'e's'*), въ лужицкихъ языкахъ *o*¹ переходило въ *o*² всякій разъ, какъ слѣдующая за нимъ согласная теряла лабиализацію. Ни въ верхнемъ, ни въ нижнемъ лужицкомъ языкахъ не утрачена лабиализація губными: вслѣдствіе того передъ этими звуками и въ томъ и въ другомъ языкѣ звукъ *o* звучитъ какъ *o* закрытое. Въ верхнелуж. языкѣ задненѣбныя не утратили, по крайней мѣрѣ въ общемъ, своей лабиализаціи: вотъ почему передъ задненѣбными согласными *o* большею частью звучитъ какъ *o*¹; напротивъ въ нижнелуж. задненѣбныя потеряли характеръ лабиализованныхъ звуковъ, а потому передъ ними является *o*²: *wo²ko*, *ko²kot*; при этомъ *k*, *g*, *x* въ нижнелужичскомъ потеряли лабиализацію раньше, чѣмъ *γ* и раньше чѣмъ *γ* перешло въ *g*. Мы имѣемъ возможность повѣрить сдѣланные выводы о лабиализаціи губныхъ и задненѣбныхъ и о постепенной утратѣ послѣдними этого своего характера и на другихъ явленіяхъ нижнелуж. языка. Вм. ожидаемаго *o*² мы находимъ въ нижнелуж. языкѣ въ ударяемыхъ слогахъ дифтонгическое сочетаніе *uo* послѣ губныхъ и задненѣбныхъ: *buosu*, *wuo¹a*, *xuogu*, *kuoza*, *guoga*, *muogjo* и т. д. Но когда за *o*², которому предшествуютъ губныя и задненѣбныя, слѣдуютъ *g*, *k*, *x*, звукъ *o*² не измѣняется въ *uo*; точно также не измѣняется въ *uo* звукъ *o*¹ въ случаяхъ какъ *ro¹mos*, *ko¹ram* и т. п. (т. е. тамъ, гдѣ *o*¹ стоитъ передъ губными). Объяснить сохраненіе *o*² въ *kokot*, *woko*, при замѣнѣ его дифтонгомъ *uo* въ *buosu*, *kuoza*, можно я думаю только тѣмъ, что такое *o*², въ положеніи передъ задненѣбными согласными, новаго происхожденія, а именно, что оно явилось вм. *o*¹ вслѣдствіе утраты слѣдующими за нимъ согласными лабиализованнаго характера: *wo¹ko*, *ko¹kot* не измѣняли *o*¹ въ *uo* такъ же, какъ не измѣнили его напр. *ro¹mos*, *ko¹ram*; уже послѣ окончанія

разсматриваемаго процесса — измѣненія o^2 въ uo , явилось новое o^2 вм. o^1 въ ko^2kot , wo^2ko , вслѣдъ за измѣненіемъ k^n въ этихъ словахъ въ k : ср. o^1 не o^2 въ такомъ положеніи въ верхнелуж. языкѣ. — Сопоставляя оба описанныя здѣсь явленія лужицкихъ языковъ — появленіе o^1 вм. o^2 и переходъ o^2 въ uo , мы неизбежно приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) губныя и задненѣбныя были въ общелуж. языкѣ лабиализованными, 2) губныя въ верхне и нижнелужицкихъ языкахъ сохраняютъ свою лабиализацію, между тѣмъ какъ задненѣбныя утрачивали и продолжаютъ утрачивать свой лабиализованный характеръ, 3) утрата лабиализаціи задненѣбныхъ происходила въ верхне и нижнелужицкихъ языкахъ по ихъ обособленіи, 4) губныя и задненѣбныя лабиализованныя въ нижнелуж. языкѣ передъ звукомъ o^2 выдѣляли изъ себя неслоговое u , которое сливалось со слѣдующей гласной въ дифтонгическое сочетаніе uo . Нельзя не сдѣлать и пятого, общаго вывода о значительной древности лабиализованнаго характера губныхъ и задненѣбныхъ въ лужицкихъ языкахъ и о значительной степени самой лабиализаціи. Мнѣ кажется, что русскій языкъ, когда онъ будетъ тщательнѣе изслѣдованъ, представитъ однородныя съ только что разсмотрѣнными доказательства древняго произношенія задненѣбныхъ и губныхъ съ лабиализаціею. Весьма интересны сообщаемые различными изслѣдователями случаи измѣненія звука o въ u въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ: мнѣ извѣстно очень много такихъ случаевъ, и почти всѣ они могутъ быть поставлены въ связь съ тѣмъ, что такое u изъ o сопровождается съ той или другой стороны или губными или задненѣбными согласными: ср. u въ кувиль, вымую, тупоръ, туго, куго, муравей, пуправлять, Бугородица и т. п. Не могутъ ли подобныя фонетическія явленія служить указаніемъ на лабиализованный характеръ губныхъ и задненѣбныхъ въ русскомъ языкѣ?

Приложеніе 2-ое. Сдѣланное выше предположеніе о томъ, что лабиализація гласныхъ e и y не наступала передъ слогами съ гласными e , i , \bar{e} , \bar{y} , e , стоитъ въ тѣсной связи съ замѣчані-

емъ Ф. О. Фортунатова о томъ, что въ говорахъ общеслав. языка звукъ е послѣ начального j подвергался особому измѣненію, имѣвшему слѣдствіемъ появленіе вм. je въ этихъ говорахъ звука е, откуда русское о, — именно только въ положеніи передъ слогомъ съ гласными е, і, е, а также вѣроятно съ ѣ. Разсматривая случаи, гдѣ старослав. и общеславянскому je въ нѣкоторыхъ старославянскихъ говорахъ соответствуетъ е, а въ русскомъ о, Ф. О. Фортунатовъ замѣтилъ, что во всѣхъ такихъ случаяхъ въ слѣдующемъ слогѣ является одна изъ вышеперечисленныхъ гласныхъ передняго ряда: это объясняетъ, почему напр. при ксена — осена, кдинъ — одинъ, кзеро — озеро мы при кмоу, ксма не найдемъ въ русскомъ языкѣ ому, осма. Наблюденіе Фортунатова представляется мнѣ однимъ изъ особенно убѣдительныхъ доказательствъ выставленнаго выше предположенія о томъ, что звуковыя сочетанія ѣе, ѣе, je и т. д. въ положеніи именно передъ слогомъ съ гласною передняго ряда, измѣнились въ общеслав. языкѣ въ с'а, ж'а, ја. Исчезновеніе j передъ такимъ а, имѣвшее мѣсто въ нѣкоторыхъ говорахъ общеслав. языка, объясняется именно особымъ характеромъ этого звука а и можетъ быть сопоставлено съ діалектическимъ явленіемъ старославянскаго языка — исчезновеніемъ j передъ начальнымъ а. Такимъ образомъ въ говорахъ общеславянскаго языка изъ jezero, jelenъ, jesetrъ, jevinъ, черезъ посредство формъ jäzero, jālenъ, jāsetrъ, jāvinъ, явились āzero, ālenъ, āsetrъ, āvinъ. Въ общерусскомъ языкѣ были получены именно эти формы; начальное ā измѣнилось въ русскомъ языкѣ въ о по той же причинѣ, почему вм. начальнаго а явилось о (напр. въ именахъ собственныхъ, заимствованныхъ изъ церковнославянскаго); начальное же о переходило въ русскомъ языкѣ въ о. Такъ явились общерусскія озеро, осетръ, одинъ, овинъ, олень и т. д.

ГЛАВА 2-ая.

Эпоха общерусская.

Общерусскій языкъ получилъ изъ общеславянскаго языка слѣдующія смягченныя согласныя: *t', d'* въ сочетаніяхъ *č't', ġ'd'*; *s', z', č', š'* (діалектическое); *č', ġ'* (діалектическое, а общерусское въ сочетаніяхъ *ġ'd'* и *ž'ġ'*); *š', ž'; r', l', n'*; кромѣ того губныя *p', b', m', v'* въ сочетаніяхъ съ слѣдующимъ *l'*. Сочетанія *č't'* и *ġ'd'* еще въ общерусскомъ языкѣ измѣнились въ *č'* и *ž'* (діалект. *ġ'*) черезъ посредство *č'č'* и *ž'ž'*: ср. общерус. хо^чу, те^жа при діалект. те^ġа.

Оставляю пока въ сторонѣ дальнѣйшую исторію въ русскомъ языкѣ перечисленныхъ смягченныхъ согласныхъ и перехожу къ процессу возникновенія въ немъ новыхъ смягченныхъ согласныхъ.

Всякое сочетаніе согласной съ гласной можетъ быть произнесено или такъ, что органы рѣчи, для произведенія гласнаго звука, принимаютъ необходимое при этомъ положеніе уже послѣ произнесенія согласной, или такъ, что подобное положеніе органовъ наступаетъ при самомъ началѣ, уже при произношеніи согласной. Въ первомъ случаѣ согласная находится внѣ вліянія гласной, во второмъ согласная принимаетъ характерныя черты, сопровождающія произношеніе гласной: согласная лабиализуется, если слѣдующая гласная лабиализована, палатализуется или смягчается, если гласная принадлежитъ къ ряду гласныхъ передняго ряда. Въ общеслав. языкѣ были извѣстны лишь перваго рода сочетанія согласныхъ съ гласными: исключеніе составляли только сочетанія лабиализованныхъ согласныхъ задне^нѣбныхъ съ слѣдующими лабиализованными гласными (ср. *k^u*, *g^u* и т. д.) и сочетанія смягченныхъ согласныхъ съ слѣдующими гласными

передняго ряда (ср. *č'i*, *r'i*, *bl'i* и т. д.). Но и эти сочетанія возникали не вслѣдствіе уподобленія согласной слѣдующей гласной, а потому что извѣстнаго рода согласныя были получены только лабиализованными или только смягченными (*k*, *g*, *x*, *γ* были извѣстны въ общеслав. языкѣ только лабиализованными, *č'*, *ž'* и т. д. только смягченными), а также вслѣдствіе уподобленія согласной не слѣдующей гласной, а слѣдовавшему за нею *j*. Въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ наступали условія, при которыхъ возникали сочетанія втораго рода, т. е. такія, гдѣ произношеніе согласной видоизмѣнялось подъ вліяніемъ слѣдующей гласной, вслѣдствіе уподобленія ей. Остановлюсь на русскомъ языкѣ.

Въ общерусскомъ языкѣ всякая согласная передъ гласными передняго рода принимала характеръ этихъ звуковъ, измѣнялась въ направленіи къ нимъ. То самое положеніе органовъ рѣчи, которое требуется для произнесенія указанныхъ гласныхъ, являлось вслѣдствіе этого уже при произведеніи предшествующихъ имъ согласныхъ. Такъ *vm. re, ti, dъ, rе* и т. д. явились *р'е, t'і, d'ъ, г'е* и проч. Въ этихъ и имъ подобныхъ сочетаніяхъ мы видимъ сочетанія однородныхъ элементовъ—согласнаго и гласнаго: какъ было указано въ 1-ой главѣ, это обстоятельство могло быть причиною сохраненія и гласной и согласной безъ измѣненія: оба элемента, взаимно на себя вліяя, охраняли бы другъ друга. Но другія причины вызывали рядъ явленій, видоизмѣнившихъ полученные отношенія. Въ языкѣ, послѣ того какъ былъ проведенъ процессъ уподобленія согласныхъ слѣдующей гласной, явилось нѣсколько рядовъ смягченныхъ согласныхъ: рядъ *р^і, t^і, l^і, n^і* и т. д., рядъ *р^е, t^е, l^е, n^е*, рядъ *р^ъ, t^ъ, l^ъ, n^ъ* и проч. Эти различные ряды не могли сохраняться въ языкѣ, они должны были смѣшаться или слиться въ одномъ рядѣ: такимъ рядомъ былъ рядъ *р^і, t^і, l^і, n^і* (мы его обозначимъ *р^і, t^і* и т. д.), т. е. рядъ наиболѣе смягченныхъ согласныхъ. Вмѣсто сочетаній *t'е, р'е, г'е, d'ъ* и т. д. явились сочетанія *t'е, р'е, г'е, d'ъ* и т. д. Такимъ образомъ, въ сочетаніяхъ «смягченная согласная+гласная передняго ряда» стали различаться сочетанія двоякаго рода. Въ однихъ изъ нихъ

видимъ сочетанія элементовъ однородныхъ: таковы *t'í*, *p'í*, *l'í* и т. д., въ другихъ — сочетанія элементовъ разнородныхъ, замѣнившія сочетанія однородныхъ элементовъ: *t'e*, *p'e* (изъ *t'e*, *p'e*), *t'e*, *r'e* (изъ *t'e*, *r'e*), *s'ь*, *n'ь* (изъ *s'ь*, *n'ь*). Сочетанія перваго рода были обезпечены отъ дальнѣйшаго измѣненія вслѣдствіе однородности составныхъ элементовъ; напротивъ, сочетанія втораго рода подлежали необходимо измѣненію, такъ какъ соединеніе составляющихъ ихъ элементовъ, между собою не однородныхъ, представлялось невозможнымъ. Эти разнородные элементы должны были или уподобиться другъ другу или подвергнуться диссимиляціи: ср. диссимиляцію смягченныхъ согласныхъ и слѣдующихъ за ними гласныхъ передняго ряда въ общеслав. языкѣ. Въ общерусскомъ языкѣ мы видимъ такую же диссимиляцію смягченныхъ согласныхъ и гласныхъ *е*, *е*, *ь* какъ въ общеслав. языкѣ, а именно гласныя утрачивали свой небный характеръ, измѣнялись въ направленіе къ гласнымъ задняго ряда. Совершенно такъ же, какъ въ общеславянскомъ языкѣ, одни изъ названныхъ гласныхъ измѣнялись только въ направленіи къ гласной *а*, другія — измѣнялись при одномъ положеніи къ гласной *а*, а при другомъ къ гласнымъ задняго ряда лабиализованнымъ. Такъ гласная *е* (*е* носовое, еще не потерявшее своего носового свойства) могла измѣняться только въ направленіи къ *а*, переходя въ этотъ звукъ черезъ посредство звука *я*: ср. измѣненіе *е* носоваго въ *я* носовое послѣ *ј* и смягченныхъ согласныхъ въ общеславянскомъ языкѣ. Гласныя *е* и *ь* въ общерусскомъ языкѣ, также какъ въ общеславянскомъ, теряя свою небность, переходили при дѣйствіи однихъ условій въ *я* и *ь* открытыя, при наличности же другихъ, они измѣнялись въ направленіи къ гласной *и*, т. е. лабиализовались: ср. подобное же измѣненіе въ общеслав. языкѣ, гдѣ съ одной стороны *вм. е* и *ь* — *я* и *ь* открытыя, а съ другой *ѡ* и *ѣ*.

Разсматривая процессъ возникновенія смягченныхъ согласныхъ въ русскомъ языкѣ, изслѣдователю необходимо коснуться одновременно и тѣхъ измѣненій, которымъ подвергались слѣдующія за ними гласныя, и въ виду этого, ограничившись общимъ

замѣчаіемъ о свойствѣ гласныхъ передняго ряда ассимилировать себѣ предшествующія согласныя, остановиться отдѣльно на явленіяхъ, сопровождавшихъ возникновеніе смягченныхъ согласныхъ передъ тѣми или другими гласными. Имѣя въ виду, что гласныя і и ѣ (ie), въ силу указанныхъ выше причинъ, не измѣнились въ положеніи за возникшими подъ ихъ вліяніемъ смягченными согласными, между тѣмъ какъ звуки е (е носовое), е и ь подвергались различнымъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ тѣхъ перемѣнъ, которыя испытывали на себѣ смягченныя согласныя имъ предшествующія (переходъ полусмягченныхъ въ смягченныя), я разсмотрю сначала смягченныя согласныя передъ гласными і и ѣ, а затѣмъ остановлюсь на этихъ согласныхъ передъ гласными е, е и ь.

1. Смягченіе согласныхъ передъ і и ѣ въ общерусскомъ языкѣ. Сопоставленіе современныхъ великорусскихъ словъ какъ б'іѣ, т'іхо, л'іст, п'іза и т. д. съ соотвѣтствующими бѣлорусскими словами не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что согласныя губныя, нѣбнозубныя (или просто зубныя), а также л были смягчены передъ звукомъ і уже въ эпоху великорусскаго и бѣлорусскаго единства; что и г передъ і было смягчено въ ту же эпоху, явствуетъ изъ того, что бѣлорусское гу напр. въ try вм. ожидаемаго г'і (великорусск. tr'і) является слѣдствіемъ общаго бѣлорусскаго отвердѣнія звука г', коснувшася и того г', которое было смягченнымъ еще въ общеславянскомъ языкѣ, напр. въ словахъ какъ моге, ҃аги изъ общерусскихъ моге, го҃г'ц, восходящихъ къ общеславянск. моге, го҃г'о (ср. старославянск. мо҃ре, гор҃ж). Относя такимъ образомъ возникновеніе смягченныхъ согласныхъ передъ і къ такой отдаленной эпохѣ, какъ эпоха велико-бѣлорусская, мы невольно подходимъ къ предположенію о еще большей древности этого явленія, о возможности отодвинуть его ко времени общерусскаго единства. Видимое опроверженіе находимъ однако въ современномъ малорусскомъ нарѣчіи, въ которомъ великорусскимъ и бѣлорусскимъ б'і, т'і (сі), п'і, л'і и т. д. соотвѣтствуютъ бу, ту, пу, лу, а діалек-

тически и *bi, ti, ni, li* съ открытымъ *i* (*i*² Sievers). При этомъ отношеніе этихъ малорусскихъ *by, ty* и т. д. къ *bi, ti* прочихъ русскихъ нарѣчій нельзя отождествлять съ отношеніемъ напр. бѣлорусскихъ *гу, ѣу* къ *gi, ѣi* великорусскаго нарѣчія — уже по той простой причинѣ, что измѣненіе *ѣi, gi* въ *ѣу, гу* въ бѣлорусскомъ вызвано общимъ отвердѣніемъ звуковъ *ѣ* и *г* въ этомъ языкѣ (ср. и *ѣа, га* вм. *ѣа, га*), между тѣмъ какъ въ малорусскомъ мягкія губныя, зубныя, мягкія *г* и *л* сохраняются безъ измѣненія какъ передъ цѣлымъ рядомъ гласныхъ (напр. *тянуты, сіно, ліс*), такъ и въ положеніи передъ согласными и въ концѣ слова (*тьма, ходить, діалект. берутъ*). Слѣдовательно, встрѣчаясь съ малорус. *bi, ti* — *by, ty* при бѣлорус. и великорус. *bi, ti*, приходится допустить или большую древность малорусскаго произношенія, сохранившаго общеславянскія отношенія, не допускавшія смягченія согласныхъ передъ гласными передняго ряда, при чемъ процессъ измѣненія *bi, ti* въ *bi, ti* пришлось бы отодвинуть къ эпохѣ не общерусскаго, а лишь великобѣлорусскаго единства; или же предположить, что малорусскія *bi, ti* — *by, ty* явились изъ общерусскихъ *bi, ti* путемъ не отвердѣнія смягченныхъ согласныхъ, какъ это уже показано выше, а измѣненія самой гласной *i*: ср. малорусск. *у* вм. *i*, или *i*² вм. *i*¹. Рѣшающимъ вопросомъ является наблюденіе надъ судьбой общеславянскихъ сочетаній *gi, li, ni* въ малорусскомъ языкѣ, т. е. тѣхъ сочетаній, гдѣ *г, л, н* явились еще въ общеславянск. языкѣ вслѣдствіе уподобленія *г, л, н* слѣдующему *ј*. Мы знаемъ цѣлый рядъ славянскихъ нарѣчій, гдѣ великорусск. и бѣлорусск. *bi, ti* соотвѣтствуютъ *bi, ti*, или даже *by, ty*, но всѣ они представляютъ на мѣстѣ выше указанныхъ общеслав. сочетаній — (*gi*), *li, ni*. Это ясно показываетъ, что *bi, ti* — *by, ty* въ этихъ нарѣчіяхъ не могутъ восходить къ *bi, ti*, такъ какъ *б* и *т* сохранились бы смягченными, какъ сохранились таковыми *н, л* въ полученныхъ изъ общеслав. языка сочетаніяхъ *li, ni*: ср. серб. *tixo, nizak, list* и т. д. при *niya, kniga, zemli* изъ общеславянскихъ *niya, kniga, zemli*. Между тѣмъ въ малорус-

скомъ нарѣчїи общеславянскимъ *ŕi, l'i, n'i* соотвѣтствуютъ *ry, ly, ny*—*ri, li, ni*: ср. мѣс. ед. *zemly, koroľy, bury*; *nyva, knuga, synuxъ, nad nuyu* и т. д. Слѣдовательно, мы имѣемъ ясное указаніе на измѣненіе въ малорусскомъ нарѣчїи сочетаній *l'i, ŕi, n'i* въ *ly, ry, ny*; понятно, что постѣ этого ничто не мѣшаетъ намъ возвести всякія *ly, ry, ny* къ общерусскимъ *l'i, ŕi, n'i* и на основаніи случаевъ какъ *nyva, zemly* вм. *n'iva, zem'li* заключить о происхожденіи *nyzok, lyst* изъ *n'izok, l'ist*. И такъ очевидно, что, не давая прямыхъ указаній, малорусскій языкъ показываетъ во 1) что его сочетанія *ty, ly, ny, by* и т. д. могутъ восходить къ общерусскимъ *t'i, l'i, n'i, b'i*, во 2) что какъ общеславянскія, такъ и общерусскія сочетанія *t'i, l'i, n'i*, должны были въ немъ необходимо измѣниться въ *ty, ly, ny*. Но кромѣ этихъ косвенныхъ доказательствъ, мы находимъ въ малорусскомъ языкѣ и прямые указанія на то, что нѣкогда согласныя передъ *i* были въ немъ смягчены. А именно общерусское *i* исчезаетъ въ малорусскомъ языкѣ въ конечныхъ неударяемыхъ слогахъ нѣкоторыхъ словъ и грамматическихъ образований тамъ же, гдѣ такое *i* исчезало и въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчїяхъ; согласная передъ такимъ отпавшимъ *i* смягчена не только въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчїяхъ, но также въ малорусскомъ: ср. малор. *будь, сядь*, им. ед. *мать при маты*, укр. и сѣверномалор. *неопред. накл. хвалыть, ходыть* и т. д. *при хвалыты, ходыты*. Очевидно еще до отпаденія своего гласная *i* успѣла смягчить предшествующую согласную; не допустивъ такого вывода, остается только предположить, что на измѣненіе твердой согласной въ смягченную въ этихъ и подобныхъ случаяхъ оказали вліяніе параллельныя формы на *t'i, d'i* и т. д. (откуда затѣмъ *ty, dy*). Во всякомъ случаѣ и тотъ и другой выводъ убѣждаютъ насъ въ томъ, что въ древнѣйшую эпоху жизни малор. языка согласныя передъ звукомъ *i* были смягчены. Не маловажнымъ подтвержденіемъ того же самаго является то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ до сихъ поръ сохраня-

ются смягченныя согласныя передъ *i*: *rob'it'i*, *b'it'i*, *košit'i*, *dv'igat'i*, *mol'it'isa*, *m'icuj*, *gr'iva*, *pšenića*, *hod'it'i* и т. д. (ср. Werchratski въ Archiv XIV, 597 сл., Ogonowski, Studien 38, 145). Объяснять такое *i* в м. малоруск. у вліяніемъ польскаго языка нельзя уже — по тому, что такое вліяніе повело бы неизбѣжно къ появленію вообще звука *i* в м. у, вызвало бы такое смѣшеніе обоихъ звуковъ, какого наблюдатели не указываютъ: дѣйствительно, невѣроятно, чтобы Лемки подъ вліяніемъ польскаго языка вспомнили, который изъ звуковъ у восходитъ къ древнему *i* и который соотвѣтствуетъ первоначальному у. Но невозможно также объяснить *t'i* *b'i* фонетически изъ *ty*, *by* въ говорѣ Лемковъ. Остается допустить, что въ этой чертѣ говора Лемковъ мы имѣемъ дѣло съ глубокимъ архаизмомъ.

Въ виду всего вышеизложеннаго, я считаю доказаннымъ, что въ древнѣйшую эпоху своей жизни малор. языкъ передъ гласной *i* имѣлъ смягченныя согласныя: процессъ, по которому первоначальныя *b'i*, *l'i*, *s'i* и т. д. измѣнились въ малор. нарѣчій въ *by*, *ly*, *dy*, будетъ описанъ мною ниже при изложеніи исторіи исчезновенія смягченныхъ согласныхъ въ русскомъ языкѣ. Приводя въ связь этотъ выводъ о существованіи нѣкогда въ малор. языкѣ смягченныхъ согласныхъ передъ *i* съ сдѣланнымъ выше указаніемъ на существованіе такихъ же согласныхъ при сходныхъ условіяхъ въ эпоху великор. и бѣлор. единства, я признаю доказаннымъ положеніе о томъ, что въ общерусскомъ языкѣ гласная *i* смягчила предшествующія согласныя — губныя, зубныя, а также *г* и *л*. Слѣдуетъ замѣтить, что общерусскій языкъ имѣлъ два рода гласныхъ *i*: гласныя *i* открытыя (Sievers *i*²), можетъ быть склонныя къ *e*, какъ показываетъ сопоставленіе напр. великор. *šeja* (шея) съ древнерус. *šija* (бѣлор. и малор. *šuja*): они являлись въ положеніи передъ неслоговымъ *i*; гласныя *i* закрытыя (Sievers *i*¹), которыя являлись во всякомъ другомъ положеніи. Согласныя смягчались безразлично какъ передъ *i*², такъ и передъ *i*¹ въ общерусскомъ языкѣ: на общерусскія *ž'it'ije*, *sud'ija* ясно указываютъ какъ великорусскія *житье*,

судья, такъ и бѣлор. жыття (жыця: *žycia charòšaja* въ бѣлорусской пѣснѣ Виленской губ., напечатанной въ *Zbiór t. XIII*), суддзя, укр. жыття, галиц. *žyt't'e*. Не находя оснований предполагать, что согласныя передъ *i* были въ общерусскомъ языкѣ сначала полумягкими, я думаю, что общеславянскія *tī, pī* и т. д. перешли въ немъ непосредственно въ *tī, pī*.

Полную аналогію съ общерусскимъ языкомъ въ отношеніи появленія смягченныхъ согласныхъ передъ звукомъ *i* представляютъ западнославянскіе языки.

Въ современномъ польскомъ языкѣ общеславянскимъ согласнымъ губнымъ, зубнымъ *t, d, s, z, n*, далѣе *г* и *л* передъ *i* соответствуютъ смягченныя согласныя губныя *p', b', v', m'*, небнозубныя *ś, ź* (изъ *t', d'*), *ś, ź, n', l'*, а вм. *r'*, черезъ посредство *ř*, являются *š* или *ž*: *v'ise, ś'ixo, gośina, l'ist, n'ic', kšyvu*; ср. также смягченныя согласныя въ *žycie, lis'cie, sędzia* и т. д. Тоже имѣло мѣсто въ древнемъ поморскомъ языкѣ, но въ его потомкѣ, языкѣ кашубскомъ, видимъ позднѣйшее отвердѣніе губныхъ (*bitwa, mir*), а также согласныхъ *с* и *з* (изъ *t' и d'*), *ś* и *ź*, которыя перешли въ *c, s, s, z*, при чемъ за ними, такъ же какъ за *ř* (изъ *r'*), *š, ž, č*, не замѣчается перехода *i* въ *y* (ср. польскій переходъ *i* въ *y* за *š, ž, č, c, s* и такой же русскій переходъ въ случаяхъ какъ шыть, жыръ): кашуб. *l'irc, n'ic, n'in'a*. Въ верхнелуж. языкѣ передъ *i* смягчились тѣ же согласныя, какъ въ русскомъ и въ польскомъ языкахъ, но *ś* и *ź* въ немъ отвердѣли (*syrota, prosuś, zuma*): верхнелуж. *p'ivo, ś'ixo, l'ira*. Тоже имѣло мѣсто и въ нижнелужицкомъ языкѣ, но и здѣсь отвердѣли *ś* и *ź* (*gasuś, zuma*), восходящія къ первоначальнымъ *ś* и *ź*, между тѣмъ какъ *с* и *з* изъ *с* и *з* (*t' и d'*) сохранились смягченными: нижнелуж. *l'is, p'is*. Въ современномъ чешскомъ языкѣ равнымъ образомъ мягки предъ *i* всѣ согласныя, кромѣ губныхъ: но отвердѣніе послѣднихъ позднѣе, что доказывается старочешскими (*Gebauer Hist. ml. §§ 328, 329*) и современными чешскоморавскими говорами, гдѣ находимъ *p'ivo, b'ič, m'ilý, v'inen* и т. д. Въ словац-

комъ нарѣчій передъ *i* смягчаются въ настоящее время только *d, t, n, l*, такъ какъ губныя потеряли въ немъ способность смягчаться, а *g, s, z* отвердѣли въ немъ также, какъ *ž, š, š, c, dz*, не требуя впрочемъ перехода *i* въ *u* (какъ того требуютъ отвердѣвшія согласныя въ русскомъ, польскомъ и лужицкихъ языкахъ): слова. *d'iv, l'ice, n'iz* и т. д.

Разсматривая указанные явленія въ западнославянскихъ языкахъ, изслѣдователь убѣждается въ томъ, что всѣ они согласно показываютъ, что уже въ древнѣйшую эпоху ихъ жизни передъ *i* были смягчены согласныя губныя, зубныя, а также *g* и *l*, при чемъ отвердѣнiе нѣкоторыхъ изъ этихъ согласныхъ принадлежитъ позднѣйшей жизни отдѣльныхъ языковъ. Можно думать, что появленiе смягченныхъ согласныхъ передъ *i* принадлежитъ еще эпохѣ западнославянскаго единства. Но безусловно ошибочно было бы заключать изъ общности такого явленiя въ западнославянской и восточнославянской группахъ языковъ о томъ, что оно имѣло мѣсто уже въ общеслав. языкѣ или о томъ напр., что западнославянскiя и восточнославянскiя смягченныя согласныя въ словахъ какъ *l'istъ, t'ixo* восходятъ къ общеславянскимъ полумягкимъ согласнымъ. Не только южнославянскiе, но и сами западно и восточнославянскiе языки, ясно указываютъ, что въ общеслав. языкѣ смягченiе согласныхъ губныхъ, зубныхъ, *g* и *l* не вызывалось слѣдующими за ними гласными передняго ряда и что подобное влiянiе гласныхъ на согласныя принадлежитъ обособленной жизни нѣкоторыхъ изъ славянскихъ языковъ.

Въ виду полного соответствiя великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ говоровъ въ отношенiи смягченности согласныхъ губныхъ, зубныхъ, *g* и *l* передъ звуками, соответствующими древнему звуку *ѣ*, нельзя сомнѣваться въ томъ, что смягченiе ихъ передъ *ѣ* (дифт. сочетанiе *ie*) произошло еще въ общерусскомъ языкѣ: ср. великор. и бѣлор. *s'enâ, t'estâ, r'eč', l'es, n'amoj, n'emoj* и *n'imoj*, малор. *s'ino, t'isto, r'ič, n'imuj* и т. д. То обстоятельство, что малор. нарѣчiе имѣетъ

передъ звуками, замѣнившими первоначальное ѣ, смягченныя согласныя, служить также указаніемъ на то, что согласныя смягчались нѣкогда и передъ і: дѣйствительно, иначе было бы неясно, почему, смягчившись передъ іе, согласныя сохранились бы твердыми передъ і. Не буду упоминать о бѣлорусскомъ и діалектическомъ малорусскомъ отвердѣніи г, но отмѣчу, что отвердѣніе губныхъ передъ і (изъ ѣ) въ украинскихъ и галицкихъ говорахъ явленіе новое, ср. мягкость ихъ въ угрорусскомъ говорѣ, описанномъ Брохомъ (Archiv XVII), а также общемалор. сочетанія s'vi, s'mi, c'vi, своими смягченными s и c ясно указывающія на первоначальную смягченность звуковъ m и v; равнымъ образомъ позднѣйшимъ явленіемъ представляется отвердѣніе губныхъ въ сѣверномалор. говорахъ, сохранившихъ на мѣстѣ ѣ дифтонгическое сочетание или измѣнившихъ его въ je, ji: vjeter, vjiter, ср. указываемое изслѣдователями v'jeter.

Свидѣтельства всѣхъ западнославянскихъ языковъ по отношенію къ тому, что губныя, нѣбнозубныя, г и л смягчились передъ ѣ (іе) еще въ эпоху западнославянскаго единства, единодушны: ср. пол. b'aļu, кашуб. b'aļu, верхне и нижнелужицкое b'ieļu, старочеш. b'eľ'ý; пол. n'ětu, кашуб. n'ětu, верхнелуж. n'ie̯tu, чеш. n'ěš'.

2. Смягченіе согласныхъ передъ звукомъ е носовымъ (е) въ общерусскомъ языкѣ. Въ сочетаніяхъ те, ре и т. д. согласныя t, p въ общерусскомъ языкѣ, еще до потери звукомъ е своего носового свойства, становились нѣбными подъ вліяніемъ слѣдующей нѣбной гласной, при чемъ они стали произноситься при томъ самомъ положеніи языка, которое необходимо для произнесенія слѣдовавшаго за ними звука е носового. Впослѣдствіи, по указанной выше причинѣ, звуки t°, p° въ такихъ сочетаніяхъ измѣнялись въ t', p': въ сочетаніяхъ t'е, p'е и т. д., гдѣ были соединены элементы не однородные, такъ какъ t', p' произносились уже не съ тѣмъ суженіемъ, которое требуется для звука е, а съ тѣмъ, которое сопровождаетъ гласную і, — должна была наступить диссимиляція гласной и согласной.

Вѣроятно одновременно съ переходомъ полумягкихъ t^o , p^o въ мягкія t' p' звуки e теряли свою нѣбность, измѣнялись въ направленіи къ гласнымъ задняго ряда и при томъ нелабиализованнымъ; е носовое по указанной причинѣ переходило въ \ddot{a} или въ a носовыя, которыя за тѣмъ, при утратѣ носовыми гласными своего носового свойства (ср. измѣненіе o въ u , e закрытаго носового въ \ddot{e}), замѣнялись звукомъ a : $s'adu$, $p'at'$ изъ $s'adu$, $p'at'$, которыя въ свою очередь изъ $s^oe du$, $p^oe t'$ — общеслав. $s\ddot{e}du$, $p\ddot{e}t'$; ср. великор., бѣлор. и малор. $s'adu$, великор. и бѣлор. $p'at'$, малор. $pjat'$ съ новымъ pj изъ p' (о чемъ ниже). Я думаю, только указанная здѣсь причина, повліявшая на переходъ е носового въ звукъ болѣе открытый, менѣе нѣбный \ddot{a} или совсѣмъ не нѣбный — a , можетъ объяснить, почему на мѣстѣ общеслав. е носового, отразившагося въ видѣ e не носового напр. въ сербскомъ языкѣ и врядъ ли особенно открытаго, въ общерусскомъ языкѣ явилось a чистое, а не e . — Есть основаніе думать, что діалектически въ общерусскомъ языкѣ въ результатѣ измѣненія е носового получалось передъ смягченными согласными \ddot{a} ($p'at'$, $gl'ad'i$), а передъ согласными несмягченными и въ концѣ словъ a ($s'adu$, $im'a$): объ этомъ я скажу нѣсколько словъ ниже.

Вполнѣ аналогично съ разсмотрѣннымъ общерусскимъ явленіемъ измѣненіе общеславянскихъ pe , te , le и т. д. въ чешско-словацкомъ языкѣ. Здѣсь такъ же, какъ въ общерусскомъ языкѣ, они, черезъ посредство p^oe , t^oe , l^oe , переходили въ $p'a$, $t'a$, $l'a$. Въ отдѣльныхъ говорахъ эти сочетанія подверглись затѣмъ, дальнѣйшимъ измѣненіямъ: въ однихъ изъ нихъ $p'a$, $t'a$ сохраняются до сихъ поръ: ср. злин. $zap'al$, $v'adnut'$, грозен. $p'ata$, $m'aso$, $dz\ddot{e}s'at\ddot{u}$, старопис. $ho\ddot{u}b'a$; въ другихъ сочетанія «губная смягченная + a » измѣнились въ сочетанія «несмягченная губная + \ddot{a} », а прочія сочетанія смягченныхъ согласныхъ съ гласною a остались безъ измѣненія: словац. $p\ddot{a}t'$, $p\ddot{a}ta$, $\dot{z}rie\ddot{b}\ddot{a}$ при $t'a\dot{z}ku'$, $hl'adim$ (сочетанія $g'a$, $s'a$, $z'a$, вслѣдствіе общаго отвердѣнія смягченныхъ g , s , z , перешли въ словацкомъ въ ga , sa , za); въ третьихъ наконецъ говорахъ эти сочетанія

въ положеніи передъ смягченной согласной и въ концѣ слова переходили въ сочетанія *p'e* (откуда *pje*), *t'e*, *d'e* и т. д., а передъ согласной несмягченной въ *pa*, *ta*, *da* и т. д.: ср. совр. чеш. *holoubě*, *pět* (вм. *pěť*), *pěst* (вм. *pěst'*) при *holoubata*, *hovádo*, *patero*, *datel* (ср. словац. *d'at'el*), *maso*, *pátý*, *táhnouti*, *mladátko*, старочеш. *ščenata* (совр. *štěněta* подъ влияніемъ *štěně*, какъ *mladáta* подъ влияніемъ *mla'dě*); *řa* изъ *řa* остается безъ измѣненія (*řaditi*). Замѣчу, что измѣненіе сочетаній *g'a*, *t'a* указаннаго происхожденія вполне аналогично съ такимъ же измѣненіемъ въ *ta*, *pa* сочетаній *t'a*, *p'a* другого происхожденія, напр. *zemané*, *smátise*, *váti* (между тѣмъ *síti* вм. *sáti* подъ влияніемъ *siju* или *seju*).

Въ верхнелужицкомъ *tě*, *pě* также измѣнились черезъ посредство *t'e*, *p'e* въ *t'a*, *p'a*: *hr'ada*, *sw'aty*, *p'asc'*, *jazyk*, *dz'ew'aty*, *how'ado* и т. д. Въ положеніи передъ смягченной согласной это *a* изъ *e* такъ же, какъ и всякое другое *a*, въ позднѣйшую эпоху жизни языка и при томъ уже послѣ отвердѣнія звуковъ *s* и *z*, перешло въ *e* открытое (не измѣняющееся въ *e* закрытое, несмотря на нѣбность слѣдующей согласной): *p'ec'*, *kl'ec'*, *dz'ew'ec'*. Въ положеніи въ конечномъ открытомъ слогѣ *a* изъ *e* такъ же, какъ и всякое другое *a*, перешло повидимому въ *o*: ср. *c'e'l'o*, *gam'o*, *jehnjo*, *zaso* (вм. *zas'a*), *so* (вм. *s'a*, пол. *się*), *proso*, *dz'ěc'o*, дѣеприч. *pjo*, *słyšo*, *lec'o*, *znajo*, *khwalo* и т. д. Сохраненіе въ словахъ на *ja*, *p'a*, *l'a* и т. д. окончанія *a* въ им. ед. зависѣло отъ вліянія твердыхъ основъ на мягкія; сохраненіе *a* въ окончаніи 3 л. мн. какъ *khwala*, *słyša*, *proša*, *lec'a* объясняется, думаю, чередованіемъ въ старинномъ языкѣ (оно извѣстно и въ современныхъ говорахъ) формъ какъ *słyša*, *słyša*, *chwala* съ новообразованіями *słyšaja*, *słyšaja*, *chwalaja* (откуда, вслѣдствіе вліянія *j*, *słyšeja*, *słyšeja*, *chwaleja*).

3. Смягченіе согласныхъ передъ звуками *e* и *y* въ общерусскомъ языкѣ. Разсмотрю отдѣльно смягченіе передъ *e* и смягченіе передъ *y*.

А. Когда въ сочетаніяхъ t^e , p^e , возникавшихъ, въ силу указанныхъ выше причинъ, изъ общеслав. te , pe , полумягкія t^o , p^o измѣнялись въ мягкія t' , p' , гласная e должна была, въ силу диссимиляціи съ предшествующей согласной, измѣниться въ направленіи къ гласнымъ задняго ряда. Въ общеслав. сочетаніяхъ je , $\acute{e}e$, $g'e$ и т. д., какъ мы видѣли выше, звукъ e , диссимилируясь съ предшествующими ему смягченными согласными, измѣнялся въ направленіи къ гласнымъ задняго ряда нелабиализованнымъ (a), когда въ слѣдующемъ слогѣ являлась гласная передняго ряда, — къ гласнымъ задняго ряда лабиализованнымъ, при всѣхъ другихъ условіяхъ. Въ общерус. языкѣ звуки e послѣ вновь явившихся смягченныхъ согласныхъ, въ силу тѣхъ же причинъ, что въ общеславянскомъ, измѣнялись въ направленіи къ гласнымъ задняго ряда, при чемъ и здѣсь было извѣстно измѣненіе въ направленіи къ гласнымъ лабиализованнымъ и нелабиализованнымъ, но условія, отъ которыхъ зависѣло избраніе того или другого направленія въ общерусскомъ языкѣ, были иныя, чѣмъ въ общеславянскомъ. Въ общеславянскомъ языкѣ замѣчается стремленіе лабиализовать e : лабиализація встрѣчаетъ препятствіе только во вліяніи гласной слѣдующаго слога; въ общерусскомъ языкѣ звукъ e стремится лишь сдѣлаться болѣе открытымъ, утратить часть своей нѣбности, при чемъ лабиализація его зависитъ отъ особенныхъ сопровождающихъ условій. Поэтому въ концѣ слова общеславянскія je , $\acute{e}e$, $g'e$ и т. д. измѣняются въ $j\ddot{o}$, $\acute{e}\ddot{o}$, $g'\ddot{o}$ (мор'о, ср. діалек. рус. морё), между тѣмъ общерусскія t^e , p^e , $g'e$ (изъ общеслав. te , pe) и т. д. переходятъ не въ $t'\ddot{o}$, $p'\ddot{o}$, а въ $t'\ddot{a}$, $p'\ddot{a}$, $g'\ddot{a}$ и т. д. (примѣры и доказательства см. ниже). Опредѣляя ближе условія, при которыхъ e въ сочетаніяхъ съ предшествующей смягченной согласной лабиализовалось, мы находимъ, что подобная лабиализація являлась только передъ твердыми согласными. Это обстоятельство я не умѣю объяснить себѣ иначе, какъ предположивъ, что твердыя согласныя всѣ или по большей части въ общерусскомъ языкѣ были лабиализованы или вообще

произносились при условіяхъ, сходныхъ съ произношеніемъ гласныхъ задняго ряда *и, о* (см. выше стр. 712). Изъ предыдущаго изслѣдованія видно, что въ общерусскій языкъ задненёбныя были получены лабиализованными изъ общеславянскаго языка. Въ ту самую эпоху, когда сталъ дѣйствовать законъ о вліяніи гласныхъ передняго ряда на предшествующія согласныя (законъ о палатализациі этихъ согласныхъ), согласныя губныя, зубныя, а также *г, л*, передъ гласными задняго ряда *о, и* принимали специфическія черты произношенія этихъ гласныхъ, т. е. лабиализовались, въ широкомъ и вмѣстѣ неточномъ употребленіи этого термина. Въ языкѣ возникали такимъ образомъ три ряда губныхъ, зубныхъ и прочихъ согласныхъ: рядъ согласныхъ смягченныхъ—передъ гласными передняго ряда: *t', p', n'*, рядъ лабиализованныхъ согласныхъ—передъ гласными лабиализованными задняго ряда: *t^h, p^h, n^h* и наконецъ старыи рядъ чистыхъ согласныхъ—передъ гласными задняго ряда нелабиализованными и передъ гласными средняго ряда: *t, p, n*. Понятно, что языкъ могъ бы смѣшать эти три ряда своихъ согласныхъ, или замѣнить одинъ рядъ другимъ. Но по всѣмъ вѣроятіямъ такое смѣшеніе имѣло мѣсто только по отношенію къ губнымъ: чистый рядъ губныхъ былъ замѣненъ лабиализованнымъ, вслѣдствіе особой физиологической склонности губныхъ къ лабиализациі (ср. подобное же явленіе въ лужицкихъ языкахъ, о чемъ см. Приложение 1-ое къ главѣ 1-ой). Кромѣ того *л*, измѣнившееся въ *ѣ* передъ *о* и *и* вслѣдствіе лабиализациі (въ неточномъ употребленіи термина), вытѣснялось звукомъ *ѣ* и во всякомъ другомъ положеніи, т. е. языкъ сократилъ число звуковъ *л*, возникшихъ въ немъ (*l', l^h = ѣ* и *л*), измѣнивъ *л* въ *ѣ* (ср. общерус. *моѣ*ко, *вѣѣ*къ вм. общеслав. *melko, vylkь*). И такъ, кромѣ смягченныхъ согласныхъ общерусскій языкъ, въ силу указанныхъ выше явленій, получилъ: задненёбныя лабиализованныя согласныя *k^h, g^h, x^h, γ^h*; губныя лабиализованныя *p^h, b^h, v^h, m^h*; звукъ *ѣ* (первоначально *л* лабиализованное); зубныя лабиализованныя *t^h, d^h, s^h, z^h, n^h* и *г^h* (въ положеніи только передъ *о, и*) и чистыя

t, d, s, z, ц, г (во всякомъ иномъ положеніи).—Мы разсмотрѣли выше судьбу сочетаній новая смягченная согласная + е въ концѣ слова въ общерус. языкѣ: гласная е измѣнялась въ немъ въ ѣ. Намъ остается изслѣдовать судьбу этихъ сочетаній не въ концѣ слова, т. е. передъ согласными. При этомъ нельзя не замѣтить, что вслѣдствіе описанныхъ выше процессовъ: 1) появленія небныхъ, 2) лабиализованныхъ согласныхъ, рѣдкая согласная постлѣ е оставалась въ общерусскомъ языкѣ безъ измѣненія: она или лабиализировалась или палатализировалась. Разсматривая поэтому измѣненіе е передъ согласными, приходится остановиться одновременно на сопровождавшихъ его измѣненіяхъ этихъ слѣдующихъ за нимъ согласныхъ, измѣненіяхъ, независѣвшихъ отъ этого е, а вызванныхъ вліяніемъ на согласныя гласныхъ слѣдующаго слога. Сообразно съ двоякимъ измѣненіемъ согласныхъ, мы останавливаемся на измѣненіи е: 1) передъ согласными палатализированными, 2) передъ согласными лабиализованными. Въ первомъ положеніи звукъ е въ сочетаніяхъ р'е, т'е, п'е и т. д. изъ р'е, т'е, п'е уподоблялся прежде всего слѣдующей за нимъ согласной, и потому онъ не могъ измѣниться въ ѣ, не могъ вообще утратить своего небнаго характера: напротивъ е становилось еще болѣе небнымъ звукомъ и изъ е² (е открытое) переходило въ е¹ (е закрытое). Такое измѣненіе е² въ е¹ не было вызвано вліяніемъ смягченныхъ согласныхъ ему предшествующихъ: уподобляясь не предшествующимъ, а слѣдующимъ смягченнымъ согласнымъ, е измѣнилось въ направленіи къ і, ср. отношеніе р¹ къ р⁰ съ отношеніемъ е¹ къ е². Мы встрѣчаемся при этомъ съ вопросомъ, не вліяли ли уже въ общеслав. языкѣ смягченныя согласныя (j, č', г' и т. д.) на измѣненіе предшествующаго е² въ е¹, т. е. напр. въ словахъ какъ ве'сегъ, ре'с'тъ, ле'ž'ati, је'је и т. д. Я не вижу пока ясныхъ основаній, по которымъ можно было бы дать положительный или отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ, но наиболѣе вѣроятнымъ представляется думать, что е², въ положеніи по крайней мѣрѣ между двумя смягченными согласными, переходило въ общеслав. языкѣ

въ е¹: изъ указаннаго выше явленія, по которому вм. ожидаемыхъ *ž'ōnixъ, jōzero, č'ōlēđъ* находимъ *ž'ānixъ, jāzero, č'ālēđъ*, мы видимъ, что нѣбныя гласныя даже черезъ согласныя несмягченныя вліяютъ на измѣненіе звука е, по крайней мѣрѣ въ положеніи его послѣ j и смягченныхъ согласныхъ; тѣмъ вѣроятнѣе вліяніе нѣбныхъ гласныхъ на измѣненіе звука е въ томъ случаѣ, когда между ними и такимъ е находились звукъ j или смягченныя согласныя, а предшествовали этому е звукъ j или смягченныя согласныя: въ словахъ какъ *jeje, č'eš'etъ* е вѣроятно еще въ общеслав. языкѣ измѣнилось въ направленіи къ i, т. е. изъ е² перешло въ е¹. Такъ явились въ общерусскомъ языкѣ, согласно предыдущему, е¹ вм. е² въ словахъ какъ *n'e¹s'i, id'e¹t'ъ, v'e¹ikъ, s'e¹bъ* и т. д.; такое же е¹ вм. е² являлось въ положеніи за первоначально смягченной согласной передъ новой смягченной согласной: *je¹z'ero, p's'e¹n'ica, č'e¹r'ezъ, ž'e¹l'it'i* и т. д.; въ случаяхъ какъ *č'e¹š'etъ, ž'e¹č't'ъ* и т. п. общерусское е¹ между двумя смягченными согласными можетъ быть явилось изъ общеславянскаго е¹ (см. выше). Во второмъ положеніи, т. е. передъ лабиализованными согласными, гласная е, диссимилируясь съ предшествующими ей согласными смягченными, уподоблялась этимъ слѣдующимъ за нею согласнымъ, а именно переходила въ лабиализованную гласную ъ, подобно тому какъ е передъ смягченными согласными палатализировалось. При этомъ возможно различать нѣсколько случаевъ: е является передъ первоначально лабиализованной согласной (таковы задненѣбныя *kⁿ, gⁿ, xⁿ, γⁿ*); оно является передъ согласными ставшими, лабиализованными уже въ общерусскомъ языкѣ (таковы согласныя губныя, зубныя, *г* и *л*). Во второмъ случаѣ лабиализація е могла наступить одновременно съ лабиализаціею слѣдующихъ согласныхъ, но въ первомъ случаѣ мы ясно видимъ, какъ звукъ е, въ силу стремленія диссимилироваться съ предшествующими смягченными согласными, уподобился слѣдующей согласной: такъ явились въ общерус. языкѣ звуки ъ вм. е въ *p'ōkⁿu, n'ōsⁿu, s'ōl'o, m'ōdⁿovyj, gr'ōbⁿu, s'er'ōbⁿgⁿo* и т. д. И такъ, появ-

леніе *ѳ* вм. *е*² передъ лабіализованными согласными вполне аналогично появленію *е*¹ вм. *е*³ передъ палатализированными согласными. Но явленіе перехода *е*³ въ *ѳ* значительно распространилось въ общерусскомъ языкѣ. Звукъ *е* передъ согласными нелабіализованными (а такими были только зубные и *г* передъ гласными задняго и средняго ряда нелабіализованными), вслѣдствіе стремленія диссимилироваться съ предшествующими смягченными согласными, переходилъ въ *ѳ*. Но то обстоятельство, что вм. *е* являлось *ѳ* передъ согласными, за которыми слѣдовали не только звуки *о* и *у* (таковы зубные и *г*), но также *а* и *у* (*ы*), неминуемо имѣло слѣдствіемъ появленіе *ѳ* вм. *е* передъ нелабіализованными согласными въ положеніи ихъ передъ звуками *а* и *у* (*ы*), т. е. напр. существованіе *ѳ* не только въ *р'ѳк"у, ѳ'ѳl"о, gr'ѳb"у*, но также въ *р'ѳk"y, ѳ'ѳl"a, ѳ'ѳl"у* (тв. мн.), гдѣ оно обязано вліянію лабіализованныхъ согласныхъ на предшествующее *е*, вызывало при *п'ѳs"у, р'ѳr"о, v'ѳd"у*, гдѣ *ѳ* вм. *е* обязано той же причинѣ, *п'ѳsy, р'ѳга, t'ѳsati* и т. д. Словомъ, лабіализованное *ѳ* въ случаяхъ какъ *ѳ'ѳl"a* и т. д., ассоціируясь съ нелабіализованными гласными *а, у* (*ы*), возникало вм. *е* тамъ, гдѣ въ слѣдующемъ слогѣ были эти нелабіализованныя гласныя, независимо отъ того, предшествовала ли имъ чистая или лабіализованная согласная. Распространенію звука *ѳ* вм. *е* въ указанномъ направленіи способствовало, конечно, еще то обстоятельство, что *ѳ* вм. *е* послѣ древнихъ смягченныхъ согласныхъ и *ј* было получено изъ общеславянскаго языка не только передъ лабіализованными, но также и передъ нелабіализованными зубными и *г* (общеслав. *рьѳ ѳпо, ѳ' ѳlo, ѳ ѳпо, ѳ' ѳla, ѳ ѳпа, маѳ' ѳх"a* — общерус. *ѳѳl"о, ѳ ѳn"у, ѳ' ѳl"a, ѳ ѳпа, рьѳ ѳпа, маѳ' ѳх"a*). Такимъ образомъ изложенное выше явленіе общерусскаго языка съ теченіемъ времени приняло совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ въ началѣ: сначала *ѳ* являлось вм. *е* по той же причинѣ, почему вм. *е*³ являлось *е*¹, т. е. вслѣдствіе полного уподобленія слѣдующимъ согласнымъ — лабіализованнымъ или смягченнымъ; впослѣдствіи же *ѳ* вм. *е* возникало передъ всякой несмягченной согласной

(чистой или лабиализованной), тогда какъ е¹ вм. е² вызывалось послѣдующей согласной смягченной: вмѣсто трехъ гласныхъ ѣ, е¹ и ѓ, являвшихся раньше, чередуясь между собою, напр. въ измѣненіи по падежамъ слова рого: рѣга, рѣгѣ, рѣгѣи, возникло такимъ образомъ чередованіе лишь двухъ гласныхъ е¹ и ѓ: рѣгѣ — рѣга, рѣгѣи. Понятно, что ѣ изъ е² въ концѣ слова, не передъ согласной продолжало свое существованіе въ общерусскомъ языкѣ.

И такъ, разсматривая появленіе въ общерусскомъ языкѣ смягченныхъ согласныхъ и вліяніе ихъ на измѣненіе слѣдующихъ гласныхъ, мы должны остановиться на судьбѣ сочетаній рѣ, тѣ, пѣ и т. д. во первыхъ въ концѣ слова не передъ согласной, во вторыхъ въ серединѣ слова передъ смягченной согласной и наконецъ въ третьихъ передъ согласной несмягченной. Сочетанія ре, те, пе и т. д. измѣнившись въ общерусскомъ языкѣ въ р^е, т^е, п^е, переходили затѣмъ, вслѣдствіе усиленія нѣбности въ согласномъ и ослабленія его въ гласномъ элементѣ, въ рѣ, тѣ, пѣ. Дальнѣйшая судьба этихъ сочетаній приводитъ насъ къ несомнѣнному заключенію, что гласною въ этихъ сочетаніяхъ было именно ѣ и при томъ открытое (Sievers а²). Въ малорусскомъ нарѣчій тѣ, рѣ измѣнились въ те, ре, при чемъ современное е явилось непосредственно изъ звука средненѣбнаго, который изображу здѣсь знакомъ 9. Процессъ измѣненія тѣ, рѣ, равно и тѣ¹, рѣ¹, а также тѣѓ, рѣѓ, въ те, ре въ малорусскомъ нарѣчій будетъ изложенъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ и разсмотрѣнъ какъ слѣдствіе перехода звуковъ ѣ, е¹, ѓ въ гласную среднего ряда 9. Укажу теперь на то, что малорусское нарѣчіе сохранило ясное свидѣтельство того, что согласныя въ общерусскихъ сочетаніяхъ тѣ, рѣ изъ общеслав. те, ре были дѣйствительно смягченными: въ окончаніи 2 л. мн. повел. накл. рядомъ съ те извѣстно въ малорусскомъ и окончаніе т' (напр. хвал'it', нес'it'), которое можетъ быть выведено только изъ общерусскаго т' передъ утраченнымъ впослѣдствіи окончаніемъ ѣ (изъ общеслав. е). Въ велико-бѣлорусскихъ говорахъ

т'а, р'а въ слогахъ неударяемыхъ измѣнились въ т'а, р'а: ср. бѣлор. идз'иця, зват. ед. врас'а (Zbiórg t. XIII), им. мн. сва'това, 3 л. ед. ѣдзя, 2 л. мн. несѣця, южновеликор. дайтя, хат'ітя, цыг'аня, крест'яня, сѣверновеликор. тебя, себя, неситя, прощайтя, древнерус. ксма и т. д.; въ слогахъ ударяемыхъ т'а, р'а въ говорахъ велико-бѣлорусскихъ измѣнились въ т'е, р'е съ е открытымъ: бѣлор. спиц'е, сѣверновеликор. несит'е, держит'е, южновеликор. сиб'е, тиб'е (между тѣмъ какъ себя, тебя москов. и сѣверновеликор. восходятъ къ общерус. с'еб'а, т'еб'а съ неударяемымъ а въ слѣдствіе энклитическаго употребленія этихъ словъ). Въ сѣверновеликор. т'а изъ т'а, какъ и всякое т'а, діалектически измѣнялось въ т'о: дайт'е, сва'тов'е (откуда сва'тов'е). — Общеславянскія сочетанія ре, те, не и т. д. въ положеніи передъ смягченной согласной переходили въ общерусскомъ языкѣ черезъ посредство р'е, т'е, п'е въ р'е¹, т'е¹, п'е¹ или вѣроятнѣе въ р'а¹, т'а¹, п'а¹; звукъ е, въ силу диссимиляціи съ предшествующими смягченными согласными, переходилъ въ а², которое, ассимилируясь слѣдующей согласной, измѣнялось въ а¹. Къ предположенію того, что звукъ е въ положеніи передъ смягченными согласными въ общерусскомъ языкѣ переходилъ не въ е¹, а въ а¹, я приходилъ независимо отъ указаннаго выше соображенія. Во 1) мы имѣемъ основаніе думать, что въ нѣкоторыхъ рукописяхъ знаки е и ѣ обозначали: первый звукъ а, какъ открытый (напр. въ ходите), такъ и закрытый (неси, печа), второй звукъ е¹ въ словахъ церковнаго происхожденія (крѣста, прѣдѣла, сѣдѣла и т. д.), откуда выводимъ, что звукъ а въ словахъ какъ печа, неси не былъ звукомъ е¹: иначе и онъ изображался бы буквою ѣ. Во 2) вм. звука а передъ отвердѣвшею согласною, въ связи съ потерей согласною по тѣмъ или другимъ причинамъ своей смягченности, въ древнѣйшую эпоху жизни языка являлся не звукъ е², а звукъ а (изъ а²): когда въ діалектахъ древнерусскаго языка отвердѣло ш, вм. предшествовавшаго ему а¹ явилось не е², а а², откуда а, напр. въ діалект. голов'ашка, леш'ашка (соврем. карачев. и жиздр.),

покоряжный и т. д. Впослѣдствіи звукъ \dot{a}^1 измѣнился въ велико- и бѣлорусскихъ говорахъ въ e^1 , подобно тому какъ \dot{a}^2 перешло въ $t\dot{e}x$ же говорахъ въ e^2 (напр. въ держитѣ вм. общерусскаго *deržit'ä*): вслѣдствіе этого въ позднѣйшую эпоху жизни русскихъ говоровъ мы передъ отвердѣвшими согласными находимъ не a , а e^2 : ср. въ діалектахъ, гдѣ ш отвердѣло позже, вм. *Гер'е'š'ka, go'lov'e'š'ka* — лепешка, головешка, также точно *Гех'še* въ однихъ говорахъ, гдѣ \dot{x} отвердѣло раньше, перешло въ *Гax'še* (уржум. *ляхче*, Соболевскій, Очерки діалектологіи), между тѣмъ какъ въ другихъ, гдѣ такое отвердѣніе имѣло мѣсто позже, явилось *Гe'x'še*; діалектически сохраняется и *Гех'še*. Ниже я еще разъ вернусь къ вопросу объ измѣненіи звука e передъ отвердѣвшими смягченными согласными и сопоставлю появленіе a въ русскихъ говорахъ съ такимъ измѣненіемъ e въ a передъ отвердѣвшими согласными въ нижнелужицкомъ языкѣ. Здѣсь же укажу на то, что въ малор. нарѣчіи $t\dot{a}^1$, $r\dot{a}^1$ измѣнились въ $t\dot{e}$, $r\dot{e}$ такъ же, какъ $t\dot{a}^2$, $r\dot{a}^2$; отсюда *те*, *ре* напр. въ *дерево*; — что въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ $t\dot{a}^1$, $r\dot{a}^1$ перешли въ $t'e^1$, $r'e^1$ (ср. переходъ $t\dot{a}^2$, $r\dot{a}^2$ въ $t'e^2$, $r'e^2$): *вѣ'с'ег*, *пѣ'сі*, *сѣ'л'скоі* и т. д. Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ нѣкоторыхъ малор. говорахъ звуки \dot{a}^1 долгіе имѣли другую судьбу чѣмъ \dot{a}^1 краткіе, а именно они переходили въ дифтонгическія сочетанія *іе*, вслѣдствіе чего совпадали со звукомъ \dot{b} : ср. галицко-волинскія *šiest'ь*, *pieč'ь*, *sied'm'ь* (пишутся въ рукописяхъ *штѣста*, *пѣча*, *сѣдма*), діалект. малор. *шыеть*, *пиеч*, *шість*, *піч*, *сім*.

Общеславянскія сочетанія *ре*, *те*, *пе* и т. д., откуда въ общерусскомъ языкѣ $r'e$, $t'e$, $p'e$, переходили передъ несмягченными согласными, лабиализованными и чистыми, въ $r\ddot{o}$, $t\ddot{o}$, $p\ddot{o}$. Дальнѣйшее измѣненіе этихъ сочетаній принадлежитъ уже отдѣльнымъ русскимъ нарѣчіямъ. Въ малорусскомъ нарѣчіи $t\ddot{o}$, $r\ddot{o}$, $p\ddot{o}$ съ долгими \ddot{o} , вѣроятно закрытымъ, переходили въ $t\ddot{u}\ddot{o}$, $r\ddot{u}\ddot{o}$, $p\ddot{u}\ddot{o}$, при чемъ измѣненіе \ddot{o} долгаго въ $\ddot{u}\ddot{o}$ вполне аналогично измѣненію o долгаго въ uo (напр. въ *дуомъ* вм. *дѣомъ*,

откуда далѣе *dim*): общемалорусскія *t'üöt'ka*, *m'üöd'*, *n'üös'it'* въ однихъ говорахъ измѣнялись въ *n'üs*, *m'üd*, *t'ütka*, откуда далѣе *n'us*, *m'ud*, *t'utka*, ср. угорорус. *n'üs*, *zam'uc*, *zarl'uc* при *n'is*, *v'ic*, *m'ic*, гдѣ *i* изъ *ü*; въ другихъ говорахъ явились *n'ües*, *m'üed*, *t'üetka* и затѣмъ *n'ies*, *m'ied*, *t'ietka*, откуда *n'is*, *m'id*, *t'itka* (таковы современные украинскія формы). Сочетанія *t'ö*, *p'ö*, *n'ö* съ краткимъ *ö*, вѣроятно открытымъ, переходили въ малорусскомъ въ *tə*, *pə*, *nə* вслѣдствіе измѣненія *ö* въ гласную среднего ряда *ə*, измѣненія аналогичнаго съ указаннымъ выше переходомъ *ä*², *ä*¹ въ тотъ же звукъ *ə*; вслѣдствіе дальнѣйшаго измѣненія *ə* въ *e*, находимъ въ совр. малорусскомъ *medu*, *vedu*, *nesu*. Въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ *p'ö*, *t'ö*, *n'ö*, какъ въ ударяемыхъ, такъ и въ неударяемыхъ слогахъ, переходили въ *p'o*, *t'o*, *n'o*: *m'odu*, *n'osu*, *s'ostra*; неударяемое *o*, по крайней мѣрѣ въ слогахъ передъ самымъ удареніемъ, правильно измѣнилось въ большинствѣ южновеликорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ въ *a*, которое замѣнило *o* въ нѣкоторыхъ говорахъ и въ другихъ неударяемыхъ слогахъ (бѣлор. и южновеликор. *нясу*, *сястра*; *бзяро*); во многихъ говорахъ какъ южновеликорусскихъ и бѣлорусскихъ, такъ и сѣверновеликорусскихъ *o* въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ, принимая ихъ окраску, уподобляясь имъ, переходило въ *e*¹, откуда даже *i* (москов., сѣверновеликор. и др. *не¹су* вѣроятно непосредственно изъ *n'ösu* вм. *n'osu*, замѣнившаго общерусское *n'ösu*). Слѣдуетъ замѣтить, что въ положеніи послѣ древнихъ, полученныхъ изъ общеслав. языка, смягченныхъ согласныхъ (*щ* *щ'* и т. д.), а также послѣ *j*, звукъ *ö* измѣнился въ *o* ранѣе, чѣмъ въ положеніи послѣ новыхъ, возникшихъ уже въ общерусскомъ языкѣ, смягченныхъ согласныхъ: переходъ *ö* въ *o* въ первомъ положеніи принадлежитъ общерусскому языку (ср. малор. *жона*, сѣверновелик. *жона*, южновелик. и бѣлор. *жана*, а великор. *жена* съ *e* закрытымъ явилось изъ *ж'öпа*, замѣнившаго общерусское *ж'öпа*), между тѣмъ какъ *ö* новаго происхожденія послѣ новыхъ смягченныхъ со-

гласныхъ измѣнилось въ о уже по отдѣленіи малорусскаго нарѣчія отъ великорусскаго и бѣлорусскаго. Представляется вѣроятнымъ предполагать, что измѣненіе ъ въ о (аналогично ему измѣненіе ѣ въ и) зависѣло отъ какого то измѣненія предшествующихъ согласныхъ, измѣненія, наступившаго для древнихъ смягченныхъ согласныхъ очевидно раньше, чѣмъ для новыхъ. — Въ западнославянскихъ языкахъ находимъ вполне аналогичныя только что описаннымъ явленія, сопровождавшія въ нихъ переходъ t^o , p^o въ t' , p' въ сочетаніяхъ t^oe , p^oe изъ общеслав. *te*, *pe*. И здѣсь также звукъ *e* или подвергался простому измѣненію въ направленіи къ *a* или лабиализовался; и здѣсь измѣненія эти обусловливались положеніемъ звука *e* передъ слѣдующей согласной, при чемъ въ открытомъ конечномъ слогѣ являлось \ddot{a}^2 , передъ смягченными согласными \ddot{a}^1 и наконецъ передъ лабиализованными \ddot{o} . Такъ въ польскомъ языкѣ находимъ въ концѣ слова e^2 изъ первоначальнаго \ddot{a}^2 : *siebie*, *wez'cie*, *niesiecie*, e^1 передъ смягченными согласными изъ \ddot{a}^1 : *pieczec'*, *wiele*, *sielanin* и т. д.; первоначальное \ddot{o} передъ твердыми согласными сохранялось какъ \ddot{o} въ дальнѣйшей жизни польскаго языка только передъ зубными согласными, *g* и *k* (отсюда соврем. *o*), между тѣмъ какъ передъ губными и задненѣбными *vm*. \ddot{o} является въ современномъ польскомъ e^2 ; это явленіе я объясняю себѣ такъ, что въ извѣстную эпоху жизни польскаго языка исчезла лабиализація согласныхъ по крайней мѣрѣ въ положеніи передъ гласными нелабиализованными: зубныя согласныя, какъ и въ общерусскомъ языкѣ, были лабиализованы только передъ лабиализованными гласными, между тѣмъ губныя и задненѣбныя сопровождались лабиализаціею и передъ гласными задняго и средняго ряда нелабиализованными. Утрата ими лабиализаціи подвергла ихъ вліянію сосѣднихъ звуковъ, вслѣдствіе того въ особенности, что сочетанія *ma*, *pa*, *bu*, *ka*, *gu* и т. д. не были извѣстны до сихъ поръ въ языкѣ. При этомъ вліяніе могли оказывать какъ предшествующія такъ и слѣдующія гласныя, и при томъ именно тѣ гласныя, специфическое произношеніе которыхъ могло отра-

зиться на согласныхъ: такъ вслѣдъ за переходомъ k^u , g^u въ ku , gu — k и g задненѣбныя, ассимилируясь гласной средняго ряда u должны были переходить въ средненѣбныя звуки, при чемъ, за отсутствіемъ въ языкѣ средненѣбныхъ чистыхъ являлись средненѣбныя смягченныя k' , g' , откуда, вслѣдствіе ассимиляціи гласной согласной, — ki , gi . Можетъ быть предшествующія лабиализованныя гласныя вліяли на измѣненіе чистыхъ губныхъ и задненѣбныхъ утрачивавшихъ свою лабиализацію передъ a , u , e (средненѣбное e изъ $ъ$), опять въ лабиализованныя, или что вѣроятнѣе, можетъ быть лабиализація губныхъ и задненѣбныхъ не утрачивалась ими въ положеніи передъ названными гласными, если они слѣдовали за гласными задняго ряда лабиализованными. Но несомнѣннымъ является вліяніе предшествующихъ гласныхъ передняго ряда на эти чистыя губныя и задненѣбныя. Ассимилируясь имъ, k , g , p , b и т. д. переходили въ смягченныя средненѣбныя k' , g' , въ смягченныя губныя p' , b' . Измѣненіе $l'ir^a$ въ $l'ir'a$ (вм. $l'ira$) или $m'ig^a\acute{s}$ въ $m'ig'a\acute{s}$ (вм. $m'iga\acute{s}$) и т. п. не можетъ быть доказано современнымъ языкомъ, такъ какъ гласная i осталась, при этомъ измѣненіи согласной, безъ измѣненія, а самая согласная отвердѣла весьма быстро подъ вліяніемъ ассоціаціи съ согласными лабиализованными, а впослѣдствіи и чистыми, въ словахъ какъ $lipowu$, $lira$, $lire$, (вин. ед., гдѣ e новое), $migna\acute{s}$, и т. д. Но измѣненіе $p'ob^a$, $p'ok^a\acute{r}$, $t\acute{r}'ow^a$, въ $p'ob'a$, $p'ok'a\acute{r}$, $t\acute{r}'ow'a$ и т. п. (черезъ посредство $p'oba$, $p'oka\acute{r}$, $t\acute{r}'owa$) вызывало прежде всего измѣненіе гласной o въ направленіи къ слѣдующей согласной, а именно переходъ ея въ e^1 : $p'e^1k'a$, $p'e^1b'a\acute{r}$, $t\acute{r}'e^1w'a$ и т. д.; чередованіе $p'e^1b'a$ съ $p'obo$, $p'e^1k'a\acute{r}$ съ $p'okq$ вызывало появленіе вм. $p'obo$, $p'okq$ — $p'ebo$, $p'ekq$ съ открытыми e ; это произношеніе вытѣсняло $p'e^1b'a$, $p'e^1k'a\acute{r}$, такъ какъ при $p'ebo$, $p'ekq$ неминуемо являлись $p'eba$, $p'eka\acute{r}$. Въ результатѣ явилось совершенное вытѣсненіе звука o передъ задненѣбными и губными, при чемъ e^2k , e^2p замѣнили ok^a , op^a частію непосредственно, частію же черезъ посредство e^1k^1 , e^1p^1 (передъ

гласными нелабиализованными). Что *ö* въ древнепольскомъ являлось и передъ губными, а также заднеязычными можно видѣть изъ единичныхъ случаевъ, гдѣ въ совр. языкѣ находимъ передъ этими согласными *o* вм. *e*: *roziom*, *roziomu*, *wlókł*: необходимость или возможность подобныхъ исключеній явствуетъ изъ хода самого процесса, которымъ сопровождалось появленіе *e²k*, *e²r* вм. *ök^a*, *ör^a*. Переходъ *ö* въ *o* въ *roziom*, равно какъ въ *módu*, *nóse*, *bóre* и т. д., ср. также кашуб. *sodmu*, *cotka*, *sostra*, *mótła* и пр., вполне аналогиченъ общерусскому измѣненію *ö* въ *o* послѣ *j* и древнихъ смягченныхъ и такому же велико-бѣлорусскому измѣненію послѣ новыхъ смягченныхъ согласныхъ.

Въ общелужицкомъ языкѣ такъ же, какъ въ общерусскомъ и польскомъ языкахъ, являлись: а) въ положеніи въ конечномъ открытомъ слогѣ *ä²*, б) въ положеніи передъ смягченной согласной *ä¹* (не *e¹*, какъ это явствуетъ изъ перехода *ä¹* въ *ä²*, откуда *a*, передъ отвердѣвшей въ нижнелуж. языкѣ согласной, напр. *jazogo*), в) въ положеніи передъ твердой согласной *ö*. Въ верхнелуж. языкѣ конечное *ä²* сохранилось безъ измѣненія, а можетъ быть точнѣе, оно перешло въ *e²* (*e* открытое): верхнелуж. *słyšće*, *leśće*, *seće*, *beće* 3 л. ед.; въ нижнелужицкомъ конечное *ä²* измѣнилось въ *ö²* (ср. верхнелужицкій переходъ конечнаго *a* послѣ смягченныхъ согласныхъ и *j* въ *o*): отсюда далѣе *o*, нижнелуж. *słyšys'ó*, *leś'ó*, *teb'ó* (вм. *teb'ó* подъ влияніемъ *seb'ó*, гдѣ *s* отвердѣло фонетически), *be'ó*. Звукъ *ä¹* въ обоихъ языкахъ измѣнился въ *e¹*. Звукъ *ö* въ обоихъ же языкахъ перешелъ въ *o*: *lodu*, верхнелуж. *śorłu*, нижнелуж. *śorłu*, верхнелуж. *sośa*, нижнелуж. *sotra*, верхнелуж. *wesołu*, нижнелуж. *wasołu*, нижнелуж. *gróblo*, *róbro*, *zełony*. Въ цѣломъ рядѣ случаевъ и въ томъ и въ другомъ языкѣ звукъ *ö*, или быть можетъ уже его замѣститель *o*, замѣняется звукомъ *e²*: опредѣлить точнѣе условія такой замѣны я не могу, но въ большинствѣ случаевъ *e²* представляется явившимся вм. *ö* — *o* подъ влияніемъ *e¹* въ родственныхъ образованіяхъ: *pletu*

является в м. *plotu* под влиянием *pleśeš* (нижнелужиц. *pleśeš*), кроме того в верхнелуж. формы какъ *l'edže* мѣс. ед. съ *e*¹ вызывали появленіе *ē*¹ (долгаго закрытаго) въ имен. ед., отсюда *iē* въ *lěd* (т. е. *lied*) при и в м. *l'od*; въ нижнелужицкомъ (въ древнѣйшій періодъ его жизни) *ā*¹, вслѣдствіе отвердѣнія смягченныхъ согласныхъ *s', z', š, ś* и др., переходило въ *ā*² откуда а: *pjas* в м. *p'ā's'*, *wjasć* в м. *w'ā's'ć* и т. д.; появившись въ формахъ какъ *pjas*, *wjasć* звукъ а переносился в м. *ō* — о напр. въ *wjasło* (при *wjesło* в м. *wjosło*), *pjakł*, *wjadł* и т. д.; точно также изъ *br'aze* мѣс. ед. (в м. *br'ā'z'ě*) а переносилось въ форму имен. *br'aza* в м. *br'oza*. Впрочемъ многое остается при этомъ совершенно не яснымъ; только историческое освѣщеніе прольетъ свѣтъ на эту область весьма запутанныхъ отношеній.

В. Обращаясь къ вопросу о появленіи смягченныхъ согласныхъ передъ *ь*, я долженъ прежде всего указать на то, что *ь* въ слоговомъ своемъ употребленіи вліялъ на предшествующія согласныя повидимому иначе, чѣмъ *ь* неслоговой. Слоговыми въ общеслав. и общерус. языкахъ звуки *ъ* и *ь* были во 1) въ первомъ слогѣ слога подъ удареніемъ, во 2) въ слогахъ предшествующихъ слогамъ съ *ъ* и *ь* и другими неслоговыми гласными, во 3) наконецъ въ общерусскомъ языкѣ *ъ* и *ь* становились слоговыми передъ слѣдующими *г* и *л*, потерявшими свой слоговой характеръ. Неслоговыми *ъ* и *ь* были во всякомъ другомъ положеніи.

Общеславянскія сочетанія *тъ*, *рь* измѣнились сначала въ *тъ*, *рь* съ *t*, *r* полумягкими; одновременно съ дальнѣйшимъ измѣненіемъ полумягкихъ *t*, *r* въ мягкія, смягченныя *t*, *r*, звукъ *ь*, диссимилируясь съ предшествующимъ звукомъ, измѣнялся въ направленіи къ гласнымъ задняго ряда, но при этомъ одновременно сказывалось вліяніе на него слѣдующихъ за нимъ согласныхъ, при чемъ смягченныя согласныя уподобляли себѣ этотъ новый звукъ, замѣнившій *ь*, а несмягченныя — чистыя и лабиализованныя — одинаково требовали лабиализаціи *ь*, измѣненія его въ звукъ *й* ирраціональное. И такъ рассмотримъ сочетанія *тъ*,

рь сначала передъ смягченными, а затѣмъ передъ несмягченными согласными. Въ положеніи передъ смягченными согласными, въ результатѣ измѣненія звука ь и перехода глухихъ (ъ, ь и другихъ глухихъ гласныхъ) въ звонкія, явилось \dot{a}^1 : $\dot{d}^1\dot{a}^1n^1$, $\dot{v}^1\dot{a}^1s^1$, $\dot{r}^1\dot{a}^1n^1$ и т. д. Отсюда далѣе послѣ измѣненія \dot{a}^1 въ e^1 : $\dot{d}^1e^1n^1$, $\dot{v}^1e^1s^1$, $\dot{r}^1e^1n^1$ въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ, между тѣмъ какъ въ малорусскомъ нарѣчій \dot{a}^1 перешло въ гласную среднего ряда э, а предшествующія согласныя отвердѣли: совр. малор. $\dot{d}en^1$, $\dot{r}en^1$, гдѣ е изъ э. Въ положеніи передъ твердыми согласными \ddot{u} ирраціональное въ ту эпоху, когда ь, ь и т. д. измѣнялись въ о, е, перешло въ \ddot{o} : общеслав. рь, ть переходили въ $\dot{r}^1\ddot{o}$, $\dot{t}^1\ddot{o}$. Въ малорусскомъ нарѣчій, послѣ измѣненія \ddot{o} въ гласную среднего ряда э и послѣдующаго затѣмъ отвердѣнія согласныхъ, явились $\dot{r}e$, $\dot{t}e$, откуда современные $\dot{r}e$, $\dot{t}e$ напр. въ $\dot{r}es$, $\dot{t}en$; но тамъ, гдѣ согласная, подъ вліяніемъ какой-либо звуковой аналогіи, не могла отвердѣть, \ddot{o} не измѣнялось въ э, а переходило въ малорусскомъ нарѣчій въ о: такъ явились $\dot{t}om$ пуѣ подъ вліяніемъ $\dot{t}ma$, $\dot{t}on$ подъ вліяніемъ $\dot{t}na$. Въ великобѣлорусскихъ говорахъ \ddot{o} переходило въ о, при чемъ послѣдующія измѣненія $\dot{t}o$, $\dot{r}o$ въ неударяемыхъ слогахъ въ $\dot{t}a$, $\dot{r}a$, въ $\dot{t}e$, $\dot{r}e$, въ $\dot{t}i$, $\dot{r}i$ принадлежатъ отдѣльной жизни этихъ говоровъ: великор. и бѣлор. пѣс, лѣн; великор. діалект. тимпѣть и т. п.

Въ западно-славянскихъ языкахъ ь передъ смягченными согласными измѣнялся въ ирраціональную гласную передняго ряда, а передъ твердыми въ ирраціональную лабиализованную гласную \ddot{u} . Ирраціональная гласная передняго ряда такъ же какъ въ русскомъ языкѣ совпала въ дальнѣйшей судьбѣ своей съ гласною е передъ смягченными согласными, хотя діалектически извѣстны различныя оттѣнки, сближавшіе эту гласную съ звуками \dot{i} . Ирраціональное \ddot{u} подлежало измѣненіямъ, аналогичнымъ съ измѣненіемъ ирраціональнаго ц, т. е. ь: такъ въ польскомъ языкѣ \ddot{u} обратилось въ е смягчающее предшествующую согласную, между тѣмъ какъ ь перешло въ э, передъ которымъ соглас-

ныя тверды: *p'es*, *с'емно* (ср. *ten*, *wesz*, *ѣб*); передъ *г* нѣкогда слоговымъ, за которымъ слѣдуетъ твердая зубная, иррац. *й* переходило въ гласную средняго ряда *у* или *э*, появленіе которой сопровождалось отвердѣніемъ предшествующей согласной; далѣе *вм.* *уг* (*эг*) явилось сочетаніе *аг*: *martwy*, *tarn*, *darski*. Въ общелужицкомъ языкѣ *й*, такъ же какъ *ъ*, обратилось въ гласную средняго ряда, откуда въ отдѣльныхъ лужицкихъ языкахъ звуки *е*, *о*, *а* (условія появленія того или другого звука мнѣ не ясны): *верхнелуж.* *ros*, *верхне и нижнелуж.* *bubon*, *верхне и нижнелуж.* *lav*.

Согласныя передъ неслоговымъ *ь* становились въ общерусскомъ языкѣ полумягкими такъ же, какъ передъ *ь* слоговымъ. Но обращались ли затѣмъ въ такомъ положеніи полумягкія согласныя въ мягкія или фонетически сохранялась здѣсь полумягкость согласныхъ, не представляется мнѣ достаточно яснымъ. Полумягкая согласная передъ неслоговымъ *ь* большею частью имѣла возможность ассоціироваться съ мягкими согласными родственныхъ формъ или образованій, при чемъ этимъ путемъ являлось вытѣсненіе полумягкой согласной мягкой, смягченной. Такъ *t* полумягкое въ *им. ед.* *kostь* могло замѣняться *t* смягченнымъ подъ вліяніемъ формы *kost'i*; на общерусское *kostь* ясно указываетъ то обстоятельство, что ни въ одномъ русскомъ говорѣ (вѣроятно кромѣ Лемковъ) мы не найдемъ произношенія *kost*, между тѣмъ какъ во многихъ говорахъ отвердѣло общерусское полумягкое *t*. Такое отвердѣніе уже въ очень раннюю эпоху имѣло мѣсто въ окончаніи *3 л. ед. и мн. ч.* (оно извѣстно уже въ XIII в.); сохраненіе же *t* смягченнымъ въ этомъ окончаніи въ говорахъ украинскихъ, бѣлорусскихъ и южновеликорусскихъ стоитъ можетъ быть въ связи съ возможнымъ діалектическимъ переходомъ *t* полумягкаго въ этомъ окончаніи въ *t* мягкое подъ вліяніемъ весьма распространеннаго въ соответствующихъ древнерусскихъ говорахъ окончанія *3 л. ед. и мн. ч.* *t'i*, которое возникало фонетически *вм. ть* передъ слѣдующимъ *i* (въ случаяхъ какъ *любити и*, *понашахути и* и т. д.). Ср. совре-

менное сѣверно-великор. *jest'* при *dast*, при чемъ *t'* въ *jest'* явилось вм. *t* полумягкаго подъ вліяніемъ формы *jest'e*, *jest'i*, *jest'a* 3 л. ед., формы весьма распространенной въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ. Точно также во многихъ русскихъ говорахъ не отвердѣли до сихъ поръ губныя въ формахъ им. п. ед. ч. (какъ *goʎur'*, *ʎubof*), такъ какъ здѣсь являлись не полумягкія, а мягкія согласныя (*goʎur'* подъ вліяніемъ *goʎub'i*); между тѣмъ отвердѣніе *m* полумягкаго въ окончаніи тв. и мѣс. ед. именъ и мѣстоименій или въ окончаніи 1 л. ед. числа нѣкоторыхъ глаголовъ принадлежитъ глубокой древности. Впрочемъ не буду останавливаться здѣсь на относящихся сюда явленіяхъ, откладывая разсмотрѣніе ихъ до того отдѣла, гдѣ я буду говорить объ отвердѣніи смягченныхъ согласныхъ, а здѣсь отмѣчу лишь то, что всѣ согласныя передъ неслоговымъ *ь* были въ общерусскомъ языкѣ полумягкими или мягкими: мягкими изъ полумягкихъ они становились можетъ быть только подъ вліяніемъ аналогіи смягченныхъ согласныхъ передъ гласными передняго ряда въ родственныхъ образованіяхъ (напр. *t'ьma*, подъ вліяніемъ *t'õmnuj*, *proš'ьba* подъ вліяніемъ *proš'iti*); но возможно, что кромѣ этого вліянія слѣдуетъ допустить фонетическій переходъ полумягкихъ согласныхъ передъ неслоговымъ *ь* въ согласныя смягченныя. Переходъ этотъ могъ обуславливаться или самымъ свойствомъ той или другой полумяжкой согласной: такъ *l* полумягкое повидимому всюду переходило въ *l* смягченное, — или же вліяніемъ окружающихъ условій: такъ повидимому весьма часто возникали смягченныя согласныя вм. первоначальныхъ полумягкихъ согласныхъ передъ твердыми губными и гортанными. Особо должны быть разсмотрѣны смягченныя согласныя являвшіяся въ русскомъ языкѣ вслѣдствіе отпаденія гласныхъ *e* и *i*, напр. въ случаяхъ какъ *s'ad'*, *xođ'it'*, *mat'* великор. бѣлор. и малор. вм. *s'ad'i*, *xođ'it'i*, *mat'i*, или въ случаяхъ какъ малор. *nes'it'* при *nes'ite*: здѣсь согласная въ концѣ слова получалась смягченной, и это является причиною, почему она не отвердѣла по крайней мѣрѣ въ большинствѣ русскихъ говоровъ.

Приложеніе. Звукъ *l*, какъ указано выше, подвергшись лабиализаціи передъ лабиализованными гласными *o*, *u*, вытѣснялъ звукъ *l* чистый въ положеніи передъ гласными нелабиализованными задняго и средняго ряда, а также передъ согласными: это зависѣло можетъ быть и отъ того, что съ лабиализаціею *l* соединился переходъ его въ болѣе открытый звукъ *ʎ*. Въ сочетаніяхъ гласная + *ʎ* или *g* (изъ *l* и *g* слоговыхъ и неслоговыхъ) + согласная + гласная, звуки *g* и *ʎ* въ слоговомъ отношеніи примыкали къ предшествующей гласной, составляя съ нею одно звуковое сочетаніе: оба элемента такого сочетанія, взаимно уподобляясь, стремились стать однородными. Поэтому, вслѣдъ за лабиализаціею звука *l* въ такихъ сочетаніяхъ, лабиализировались предшествующія гласныя, при чемъ, въ виду указаннаго выше стремленія, гласныя передняго ряда измѣнялись въ гласныя задняго ряда лабиализованныя. Такимъ образомъ *telt*, *telp* переходили въ общерусскомъ языкѣ въ *telʎt*, *telʎp* откуда *tolʎt*, *tolʎp* — *tolʎt*, *tolʎp*; точно также *tylt*, *tylk* черезъ посредство *tyʎt*, *tyʎk* измѣнились въ *tyʎt*, *tyʎk* — *tyʎt*, *tyʎk*. Ср. общерусскія *molko*, *tolʎi*, *roʎnʎ* и т. д. изъ общеслав. *melko*, *telʎti*, *pelnʎ*; общерусскія *vʎlkʎ*, *ryʎnʎ*, *vʎʎna* изъ общеслав. *vʎlkʎ*, *ryʎnʎ*, *vʎʎna*.

Въ силу тѣхъ же причинъ *g* въ сочетаніяхъ *bg* и *eg* между согласными, составляя съ предшествующими *ь*, *e* одно звуковое цѣлое, уподоблялось этимъ *ь*, *e* и переходило поэтому въ смягченное *g*. Это *g* сохранялось въ общерусскомъ языкѣ безъ измѣненія во 1) передъ смягченными согласными — губными, зубными, *l*, а также *ʎ*, *ʒ* и т. д., во 2) передъ лабиализованными губными и задненѣбными. Но въ положеніи передъ несмягченными зубными и *ʎ* звукъ *g*, встрѣтившись съ однородной согласной слѣдующаго слога, уподоблялся ей и терялъ свою нѣбность. Такимъ образомъ являлись въ общерусскомъ языкѣ *terʎt*, *terʎk*, *terʎp* изъ общеслав. *tert*, *terp*, *terk*; *tert* откуда *tʎort* изъ общеслав. *tert*: общерус. *vʎerʎmʎa*, *dʎerʎwʎo*, *bʎerʎgʎʎ* — *bʎorʎza*, *sʎorʎda*; также явились общерусскія *tyʎt* *tyʎk*, *tyʎp* изъ обще-

слав. *tyrt*, *tyrp*, *tyrk*; *türt* (съ ѱ иррап.) изъ общеслав. *tyrt*: общерус. *výřřti*, *výřxъ*, *výřbъ* — *m'ürtvyj*, *tūgnъ*. Ср. совр. рус. верема, дерево, берегъ, берёза (непоср. изъ *bōřōza* откуда вслѣдствіе уподобленія ѳ слѣдующей согласной *bā'řōza*); вертѣть, верхъ, верба, мёртвый, тёрнъ.

Совершенно аналогичныя явленія мы встрѣчаемъ и въ западнославянскихъ нарѣчіяхъ. Въ польскомъ языкѣ *г* измѣнялось въ *г'* при тѣхъ же условіяхъ, что въ общерусскомъ языкѣ: ср. польск. *wierzch*, *wierzbu*, при *martwy*. Звукъ *l*, уподобляясь предшествующимъ *ь*, *е*, перешелъ въ пол. языкѣ въ *l'* ранѣе, чѣмъ сталъ дѣйствовать законъ объ измѣненіи *l* въ *l'* (черезъ посредство *l'*): такъ явились въ пол. языкѣ *mełko*, *vylkъ* — *mléko*, *wilk*, при чемъ появленіе *l'* вм. *l* напр. въ *rełny* объяснено вліянію слѣдующей твердой зубной согласной (ср. *г* вм. *г'* при тѣхъ же условіяхъ въ общерусскомъ и въ польскомъ языкахъ).

